

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [Б. Д. Порозовская](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава I. Детство и воспитание Кальвина](#)
 - [Глава II. Кальвин становится проповедником Евангелия](#)
 - [Глава III. “Христианская институция” и ее значение для Реформации](#)
 - [Глава IV. Женева до Кальвина](#)
 - [Глава V. Кальвин в Женеве](#)
 - [Глава VI. Жизнь в Страсбурге и возвращение в Женеву](#)
 - [Глава VII. Реформы Кальвина](#)
 - [Глава VIII. Женева при Кальвине](#)
 - [Глава IX. Борьба с оппозицией](#)
 - [Глава X. Кальвин дома и на кафедре](#)
 - [Глава XI последние годы Кальвина](#)
 - [Источники](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Б. Д. Порозовская

Жан Кальвин

(1509-1564)

Его жизнь и реформаторская деятельность

Биографический очерк

*С портретом Кальвина, гравированным в
Лейпциге Геданом, гравюрой “Сожжение
Сервета” и другими иллюстрациями*

Введение

В конце первой половины XVI века в великом религиозном движении, охватившем Западную Европу, наступает новый фазис. Начавшись еще в XV веке на славянской почве, движение это, получившее свое название по имени знаменитого чешского реформатора Яна Гуса, отличалось чисто национальным характером. У гуситов борьба с римской церковью представляла вместе с тем и борьбу за права чешского народа, отнятые у него германцами. Та же национальная идея, хотя и не в такой сильной степени, сказывается и в реформационном движении Германии. Пламенные проповеди виттенбергского монаха представляют не один только религиозный протест во имя Евангелия, против искажений, внесенных в него католической церковью, – в них провозглашается в то же время и независимость немецкой нации от поработившей ее римской курии. Поэтому учение Лютера имело главным образом успех у германских народов, а в других странах было вытеснено более универсальным кальвинизмом.

Но великая церковная революция была вызвана не одними только политическими или национальными причинами. Новые идеи явились плодом долговременной глухой работы, совершавшейся в умах всего католического мира. Лютер не был единственным реформатором. В то самое время, как на воротах виттенбергской церкви он вывесил свои знаменитые тезисы, в Швейцарии священник Цвингли выступал с совершенно аналогичной проповедью. В самой Германии реформаторов была масса, только все они стушевались пред мощным талантом Лютера. В романских землях, совершенно независимо от движения в Германии, также происходило религиозное брожение, вызванное гуманизмом, и только благодаря этому идеи Лютера находили отголосок и тут. Реформационное движение, таким образом, разрасталось все более, охватывало все большие районы, а вместе с этим и учение Лютера должно было претерпевать значительные изменения. Выйдя из пределов Германии, оно, естественно, должно было утратить свою национальную окраску и получить характер более универсальный.

Вот этот-то новый фазис, когда на арену церковной революции выходит романская нация, наступает в конце первой половины XVI века, и во главе этого нового движения является крупная личность женеvского реформатора, так называемого “женеvского папы” – Жана Кальвина.

Момент выступления Кальвина представляется в высшей степени важным еще в другом отношении. До сих пор роль реформаторов была, так сказать, чисто воинствующая. Лютер в Германии, Цвингли в немецкой Швейцарии, Фарель в романских землях – все они направляли свои усилия главным образом на то, чтобы разрушить гордую, казавшуюся неодолимой крепость католицизма, чтобы подорвать могучий престиж папской власти, наложившей свои оковы на умы и совесть всех католиков. Усилия их увенчались успехом. Авторитет папства был поколеблен; брешь, пробитая в католицизме, была довольно значительна. Но зато в лагере самих нападающих происходит раскол – многочисленные секты, выросшие на почве религиозной революции, вносят между ними раздор, разделяют их силы, подрывают к ним доверие в то время, когда, оправившись от первых поражений, католическая церковь начинает собирать свои силы для новой более ожесточенной борьбы. Тридентский собор, усиление инквизиции, грозная боевая дружина учеников Лойолы – все эти орудия католической реакции выдвигаются на арену борьбы как раз в такое время, когда со смертью Лютера протестантизм лишается своего духовного центра. Очевидно, задача, выпадающая на долю его преемника, хотя и менее блестящая, но не менее трудная. Для борьбы со старым врагом, сконцентрировавшим свои силы, недостаточно уже одной проповеди или обличительных выходов против злоупотреблений курии. Против стройной католической системы необходимо выставить такую же стройную систему протестантских принципов; новая церковь должна получить строгую организацию, и наконец, необходимо создать новый независимый центр, откуда могла бы смело вестись религиозная пропаганда. Таким центром с конца первой половины XVI века становится Женева, а задачу организатора церкви принимает на себя Кальвин.

Глава I. Детство и воспитание Кальвина

Двенадцатилетний капеллан. – Пребывание в Париже. – Матюрин Кордье. – Кальвин изучает юриспруденцию. – Альциати и Вольмар. – Религиозные сомнения Кальвина. – Комментарий к Сенеке. – Кальвин переходит к реформации

Жан Кальвин родился 10 июня 1509 года. Собственно, настоящая фамилия его была Cauvin или Chauvin, но по обычаю тогдашних ученых, он латинизировал ее в Calvinus. Дед реформатора был простым бочаром; отцу его, Жерару, удалось упорным трудом добиться более выдающегося общественного положения: он был епископским секретарем, фискальным прокурором и синдиком соборного капитула в городе Нойоне, в Пикардии. Здесь и родился будущий реформатор.

Детство Кальвина, надо полагать, было не радостное. Про мать свою он никогда не упоминает, вероятно, он лишился ее очень рано; что же касается отца, то и он не сумел внушить сыну особенно нежных чувств. Вечно занятый, сурового, деспотического характера, он уделял детям очень мало внимания, хотя и заботился об их будущности. Из всего детства Кальвина только один эпизод оставил в нем благодарную память – это его отношения к аристократическому семейству Моммор, покровительством которого пользовался его отец. Несмотря на почетную должность прокурора фиска, Жерар, у которого, кроме маленького Жана, было еще трое сыновей и две дочери, еле сводил концы с концами. Но у него были обширные связи среди местного дворянства, и он прекрасно умел ими пользоваться.

Робкий, необщительный мальчик рано стал обнаруживать редкие способности. В городской школе он шел первым. Семейство Моммор, одно из первых в этой местности, обратило внимание на талантливого мальчика, приблизило его к себе и позволило заниматься под руководством своего домашнего учителя. В этом доме, в обществе своих аристократических сверстников, Кальвин получил свое первоначальное образование; здесь он усвоил себе те несколько утонченные манеры, которые всегда отличали его от германского реформатора, те аристократические симпатии, которые отразились даже на самом характере его учения. Эти годы, проведенные в кругу Момморов, были для него единственным светлым воспоминанием детства.

Способности мальчика возбудили честолюбивые мечты в его отце. В

то время человек с талантом мог скорее всего сделать карьеру на духовном поприще, и Жерар решает посвятить сына духовному званию. В 1521 году, пользуясь своими связями, он добывает для двенадцатилетнего мальчика пребенду, доходы с которой последний должен был получать в счет своей будущей службы, а в 1523 году, под предлогом появления в Нойоне чумы, отправляет его в Париж для довершения образования.

В Париже Кальвин, приехавший вместе с молодыми Момморами, расстается с ними и поселяется у своего дяди, Ришара, занимавшегося слесарным ремеслом. Но дружба молодых людей ввиду этой разлуки не прекращается. Они продолжают встречаться и после, в коллегии Ламарш, куда поступают для изучения грамматики, или по праздникам, в доме какого-нибудь вельможи, родственника фамилии Моммор. В коллегии в это время в числе преподавателей был Матюрин Кордье. Страстный любитель и знаток латинских писателей, поэт и приверженец новых реформационных идей, Кордье всей душой был предан своей преподавательской деятельности, для которой он отказался от гораздо более выгодного места. Он скоро заметил и стал отличать талантливое нойонское воспитанника, который, в свою очередь, горячо привязался к своему учителю. Это была одна из тех немногих привязанностей, которые Кальвин сохранил до конца своей жизни. Впоследствии, подвизаясь в Женеве уже в качестве реформатора, он приглашает Кордье в ректоры основанной им коллегии и не раз в своих произведениях с благодарностью вспоминает о том, как много он обязан этому благородному наставнику.

Из коллегии Ламарш благодаря своим успехам Кальвин скоро переводится в коллегию Монтегю, где под руководством профессора-испанца занимается изучением диалектики. По странному совпадению, в этой самой коллегии несколько лет спустя слушал лекции другой знаменитый деятель, которому в истории церкви пришлось играть роль диаметрально противоположную выпавшей на долю нойонского воспитанника. Это был испанец Игнатий Лойола.

Судя по тем немногим известиям, которые сохранились об этом периоде его жизни, Кальвин уже и тогда обнаруживал необыкновенно сосредоточенный характер. Он вел тихую, уединенную жизнь, был очень религиозен и работал с усердием и усидчивостью, приводившими в изумление учителей. В коллегии Монтегю он был первым, и даже досрочно переводился в высший класс. Товарищи его, однако, не любили. Его сдержанность, нелюдимость, строгий нетерпимый тон и в особенности нотации, которые он позволял себе читать им по поводу их увлечений, раздражали их, вызвали к нему неприязнь. Они мстили своему

обличительно насмешками и за склонность к обвинениям дали ему ироническое прозвище “accusativus” (“винительный падеж”). Зато учителя не могли нахвалиться талантливым, необыкновенно прилежным учеником и рано стали возлагать на него большие надежды.

Так прошло несколько лет; Кальвин уже готовился перейти к занятиям теологией. Все: и сам склад его характера, и личные наклонности, и желание отца – казалось, предназначало его к духовному званию. Еще в 1527 году старик Жерар, не перестававший заботиться о карьере сына, выхлопотал ему новый приход Мартевилль, который Кальвин, спустя два года, променял на приход Pont l'Eveque, откуда была родом его семья. Здесь восемнадцатилетний юноша, вследствие частых жалоб капитула на его отсутствие, принужденный вернуться на родину, впервые выступает в роли проповедника – впрочем, только короткое время. При первой возможности он спешит снова в Париж, к своим любимым занятиям.

Неизвестно, какие именно причины вызвали с его стороны такое решение, но в это время старик Жерар, до сих пор мечтавший о духовной карьере для сына, советует ему бросить теологию и заняться юриспруденцией. Ожидал ли Жерар от последней более блестящей будущности для талантливого юноши, или в этом неожиданном решении играли роль его личные отношения к духовенству, которые в это время стали очень натянутыми (за какие-то злоупотребления он даже подвергся отлучению от церкви) – так или иначе, молодой Кальвин, воспитанный в строгом повиновении отцовской воле, беспрекословно оставляет свои любимые занятия и со свойственной ему добросовестностью принимается за изучение юридических наук. Из Парижа он отправляется в Орлеан, где работает под руководством известного юриста Петра Стеллы, а отсюда скоро переходит в Бурж, привлеченный славой знаменитого миланского юриста Альциати, который был приглашен Франциском I читать лекции в Буржском университете.

Альциати произвел на Кальвина сильное впечатление. Это был самый блестящий юрист того времени. Он знал римское право так же хорошо, как если бы сам жил в эпоху Юстиниана, и с обширными познаниями и поразительной логикой соединял поэтический энтузиазм, благодаря которому эта сухая наука становилась в его устах в высшей степени увлекательной. Иногда, пораженный какой-нибудь новой мыслью, он тут же, экспромтом, излагал ее стихами, вызывая восторг у своих слушателей. На Кальвина, хотя он и был нечувствителен к поэзии, это блестящее изложение производило не менее глубокое впечатление. Некоторое время он с жаром занимается новой наукой. С полуоткрытым ртом, весь

внимание, весь слух, он слушает лекции любимого профессора и затем, вернувшись домой в свою маленькую студенческую комнату, спешит записать все слышанное. По словам биографа, он просиживал до глубокой ночи за занятиями и, чтобы поддерживать себя в бодрствующем состоянии, отказывался даже от ужина; проснувшись, он оставался еще некоторое время в постели, заучивая наизусть и продумывая все, что записал накануне.

Изучение римского права имело большое влияние на умственное развитие Кальвина. Оно приучило его к ясности и точности выражений, развило сильную логику, представляющую самое выдающееся достоинство его позднейших произведений; оно же, несомненно, сослужило ему громадную службу в его организаторской деятельности в Женеве, выработало из него будущего законодателя.

Благодаря этому железному прилежанию Кальвин и здесь, как в Париже, делает быстрые успехи. Скоро молодой, серьезный не по годам пикардиец обращает на себя внимание как учителей, так и студентов. Даже биографы из католического лагеря отдают полную справедливость “его живому уму, обширной памяти, способности быстро усваивать все и особенно той поразительной ловкости, с которой он излагал на бумаге лекции и прения профессоров в изящной и подчас остроумной форме”. Уже в Орлеане он так выдвинулся из массы студентов, что на него смотрели скорее как на учителя, чем на ученика, и часто, в отсутствие лектора, ему случалось занимать его место.

Похвалы, сыпавшиеся со всех сторон и льстившие самолюбию молодого ученого, имели благотворное влияние на его характер. Есть основание думать, что в это время нелюдимый, недоверчивый нрав Кальвина значительно смягчился – он ближе сходится с товарищами, становится доверчивее и общительнее. С некоторыми из них, наиболее способными и трудолюбивыми, он даже вступает в близкие дружеские отношения, особенно с одним талантливым молодым юристом из Орлеана, Франсуа Даниэлем, к которому адресована большая часть его юношеских писем. Эта дружба с ровесниками вносит некоторый свет и оживление в одинокую жизнь, всецело посвященную неусыпным занятиям, от которых его только с трудом можно было оторвать. Даже в Нойоне, у смертного одра своего отца, в 1531 году, Кальвин только и думает что о покинутых занятиях и с нетерпением ждет минуты, когда их можно будет возобновить. Каким-то отталкивающим холодом, почти бесчувственностью веет от письма его к одному из друзей, в котором он сообщает о безнадежном состоянии отца. “Я обещал тебе при отъезде, – пишет он, – скоро вернуться

назад; но болезнь отца задержала меня. Доктора сначала подавали надежду, но дни проходят – надежды больше нет, смерть неизбежна. Что бы ни случилось, мы свидимся опять. Кланяйся Даниелю, Филиппу и всему твоему кружку”... Вряд ли это письмо, единственное, где будущий реформатор говорит о своей семье, может свидетельствовать в пользу его сыновних чувств. Некоторые биографы-панегиристы объясняют эту сдержанность тем, что Кальвин в то время не мог уже сочувствовать своему отцу, умиравшему в заблуждениях католической церкви. Но, не говоря уже о том, что Кальвин тогда сам еще оставался католиком, такое объяснение холодности сына к умирающему отцу более чем натянуто.

Несмотря на увлечение лекциями Альциати, Кальвин скоро перестал удовлетворяться занятиями только юриспруденцией. Наряду с ней он снова принимается за гуманитарные науки и под руководством Мельхиора Вольмара, одного из немецких гуманистов, читавшего тогда лекции в Бурже, усердно занимается изучением греческого языка и классических древностей. Смерть отца развязывает ему руки, и он окончательно бросает юриспруденцию.

Мельхиор Вольмар сыграл очень важную роль в истории научного и религиозного развития Кальвина. Это был человек, страстно любивший греческих писателей и относившийся к своим ученикам с отеческой нежностью. Он держал себя с ними совершенно запросто, принимал к сердцу их интересы и даже, в случае нужды, уплачивал их долги. Кальвина он любил в особенности, возлагая на него большие надежды. Немецкий гуманист был приверженцем новых реформационных идей и эти идеи старался привить и своему ученику. Часто, сходя с кафедры, он брал Кальвина под руку и, прогуливаясь с ним по двору, продолжал беседу о греческих писателях, в которых был буквально влюблен. Но это пристрастие не ослепляло его. Вольмар понимал, что Кальвин не рожден для того, чтобы комментировать Аристофана или какого-нибудь другого грека, и что с его находчивым умом и поразительной логикой он был бы превосходным приобретением для реформационной партии. И вот однажды, во время своей вечерней прогулки, Вольмар заметил своему ученику: “Знаешь ли ты, что твой отец ошибся насчет твоего призвания? Ты не призван, подобно Альциати, преподавать римское право или, как я, распространять знание греческой литературы. Посвяти себя теологии, ибо теология всем наукам наука”.

Для Кальвина, впрочем, в этом предложении не было ничего неожиданного. Мы не знаем, когда именно религиозные сомнения начали впервые закрадываться в его душу. Но несомненно, что новые идеи уже

давно ему были знакомы. Несмотря на свою тихую, уединенную жизнь, он вряд ли мог оставаться совершенно безучастным к происходившему вокруг него религиозному брожению. Реформационные идеи быстро проникали во все слои общества. Уже во время пребывания Кальвина в Париже в духовном и университетском кругах происходило сильное брожение, вызванное проповедью виттенбергского монаха. Сорбонна осудила учение Лютера, но от этого популярность его только увеличилась. Меланхтон, имя которого было известно всей образованной Франции, осыпал сорбоннистов своими едкими насмешками. Его памфлеты тайком ходили по рукам учащейся молодежи; имя мужественного монаха, осмелившегося громко требовать свободы совести, было у всех на устах. Теология стала модной наукой. Ею занимались не только ученый или духовный люд, но даже светские женщины. Любимая сестра Франциска I, Маргарита Наваррская, сочиняла духовные стихи и сочувствовала новым веяниям. Вполне естественно поэтому, что и молодой восприимчивый нойонский воспитанник не мог оставаться глухим к оживленным толкам о новом учении, которому сочувствовал и его любимый учитель Кордье. В Орлеане и Бурже он также застал сильное религиозное движение. Здесь было много немецких студентов, живо интересовавшихся событиями на родине. Успехи Лютера составляли тогда злобу дня; число его приверженцев все возрастало. Уже в 1528 году Орлеан делается ареной религиозного гонения. Понятно, что все эти горячие споры не могли не заставить и Кальвина задумываться подчас о религиозных вопросах, несмотря на то, что он всецело был поглощен изучением юридических и гуманитарных наук. Слова Вольмара попали, таким образом, на почву, давно уже подготовленную. Под его влиянием Кальвин с жаром принимается за теологию, усердно изучает Библию, на которую опирались сторонники нового учения, знакомится с сочинениями тогдашних реформаторов и вполне усваивает себе основное учение Лютера – об оправдании верой. Мы застаем его даже проповедующим это новое учение в маленьком соседнем городке Линьер, в доме одного местного аристократа, которому он очень понравился смелостью и новизною своих взглядов. Около этого же времени Кальвин вступает в непосредственные сношения с некоторыми выдающимися деятелями реформации, например, с Бусером, которого посещает в Страсбурге, этом “новом Иерусалиме”, как называли его французские приверженцы реформы.

К этому времени относится также первое знакомство Кальвина с его будущим сподвижником и биографом Беза, которого он встречал в доме Вольмара. Это был молодой человек необыкновенно красивой наружности,

с изящными манерами, с увлекающим красноречием, любимец женщин, муз и своего учителя Вольмара. В то время религиозные вопросы интересовали его очень мало. Его стихи, в которых он старался подражать Катулле, были безукоризненно изящны по форме, но часто отличались очень фривольным содержанием. Несмотря на совершенную противоположность натур, молодые люди сблизились между собой. Один уважал другого за строгость нравов, за ясный и глубокий ум; другой ценил в блестящем молодом человеке те качества, которых ему самому не доставало. Впоследствии эта дружба укрепилась еще более, и Беза, обратившийся к новому учению, становится верным помощником Кальвина в его реформаторской деятельности, его восторженным апологетом и защитником против ожесточенных нападок враждебной партии.

Было бы, однако, несправедливо видеть в Кальвине уже в это время человека с совершенно сложившимися религиозными убеждениями и вполне выяснившимся враждебным отношением к католицизму. Несмотря на возникавшие в нем сомнения, несмотря даже на проповеди, в которых он высказывал многие реформационные идеи, Кальвин вовсе и не помышлял о полном переходе на сторону реформации. Многие биографы считают его обращение в этот период уже свершившимся фактом. Но мнение это ошибочно. Решение окончательно порвать с католицизмом появилось у него значительно позже. При своей любви к порядку и системе он не мог мириться с тем хаосом, который представлялся ему неизбежным следствием устранения церковного авторитета. Строгое единство римской церкви, ее стройная организация импонировали ему так же сильно, как и многим другим ученым гуманистам, которые, при всем сознании недостатков и злоупотреблений католической церкви, не решались все-таки выходить из ее лона. Подобно многим свободомыслящим людям тогдашней Франции, Кальвин стоял лишь на почве легальной оппозиции папству и стремился не к разрушению церкви, а только к ее очищению. В этом духе, по всей вероятности, и держались его тогдашние проповеди.

Но и эти идеи умеренной церковной оппозиции занимали его далеко не всецело. Мучительное тревожное состояние, в которое повергали его занятия теологией, побуждало его еще сильнее искать успокоения в гуманитарных науках. Покончив с юриспруденцией, после смерти отца, Кальвин решает посвятить себя науке. Он мечтает составить себе имя в ученом мире. Робкий, не любящий света, молодой ученый не чувствует в себе призвания к общественной деятельности. Его более привлекает слава Эразма или Рейхлина, чем блестящее, но тревожное поприще Лютера и

Цвингли.

С такими-то намерениями, ничего общего не имеющими с жаждою пропаганды и прозелитизма, которую ему приписывает большинство биографов, Кальвин, окончив курс наук со степенью лиценциата, отправляется летом 1531 года вторично в Париж. Здесь он находит многих из своих прежних университетских приятелей, которые встречают его с радостью. Чтобы быть ближе к месту чтений ученого эллиниста Данеса, Кальвин поселяется в коллегии Фортэ и, не теряя времени, принимается за работу. Он усердно посещает лекции, роется в библиотеках и бывает только в обществе молодых ученых, из которых более всего сближается с молодым Копом, сыном знаменитого королевского лейб-медика. В немногих письмах к друзьям, относящихся к этому времени, довольно ясно обрисовывается его нравственная физиономия. Это молодой ученый, серьезный не по летам, строгий к себе и другим, но доступный для дружбы. Рядом с этими чертами в нем присутствуют любовь к порядку, аккуратность, доходящая до педантизма, и значительная доза раздражительности, даже мелочность. Он сердится, когда ему долго не возвращают взятой книги, и требует ее обратно, хотя бы не нуждался в ней. Точный и аккуратный сам, Кальвин требует того же и от других; он очень чувствителен к недостатку вежливости и сильно обижается, если кто-нибудь, даже самый интимный его друг Даниель, забывает отдать ему визит или не кланяется в письме. Но ни в одном из писем мы не находим указаний на то, чтоб Кальвин занимался в это время богословскими вопросами. Когда Даниель, сестра которого хотела поступить в монастырь, поручает ему переговорить об этом с настоятельницей, он исполняет это поручение с обычной добросовестностью, нисколько не думая протестовать против монашества.

В таких занятиях проходит почти год. Несмотря на далеко не блестящее материальное положение, – дела его отца в последние годы были сильно расстроены, а доходы с обоих приходов также поступали неисправно, – это время было самым счастливым в жизни Кальвина. Заботы друзей избавляли его от нужды, и, благодаря этому, он мог совершенно спокойно отдаваться любимому делу. Весною 1532 года Кальвин наконец решается открыто вступить на литературное поприще. “Наконец-то жребий брошен!” – такими словами возвещает он Даниелю о появлении своего первого научного труда. Это был комментарий к трактату Сенеки “О кротости” (*De dementia*), – сочинение, несомненно делающее честь молодому автору, уже в этом юношеском произведении обнаруживающему в значительной степени ту редкую начитанность,

ясность и точность выражений и самостоятельность суждения, которыми отличаются его позднейшие работы. В авторе, кроме того, сказывается прежний юрист. С удивительной смелостью, среди различных грамматических и антикварных замечаний, Кальвин делает очень прозрачные намеки на политическое состояние своего времени, осуждая недостатки правосудия, злоупотребления администрации и особенно принцип абсолютизма, уверяя монархов словами Саллюстия, что самая надежная опора их трона заключается не в войске и деньгах, а в любви подданных.

Кальвин очень заботился об успехе этого первого произведения своего пера, на которое он затратил все свои средства. Он рассылает повсюду экземпляры своего сочинения, прося друзей и профессоров содействовать его распространению. “Комментарий напечатан, – пишет он Даниелю, – но на мой счет, и это стоило гораздо больше, чем ты думаешь. Теперь надо продать его и вернуть затраченные деньги. Надо позаботиться также о своей репутации. Сообщи мне прежде всего, как была принята моя книга – с одобрением или холодно, и попроси Ландринуса прочесть о ней лекцию – это упрочит мою известность”. Перед нами лишь начинающий ученый, очень ревнивый к своей славе, но в котором еще ничто не предвещает будущего реформатора.

Но этот реформатор уже назревает. Несмотря на успех книги, несмотря на открывавшуюся перед ним перспективу блестящей будущности, Кальвин все сильнее и сильнее сознает необходимость покончить так или иначе с мучающими его религиозными сомнениями. “Я был тогда далек от полного спокойствия, – писал он впоследствии об этом переходном периоде, – всякий раз, когда я погружался в себя или обращался душой к Богу, меня охватывал такой сильный ужас, что никакие покаяния не могли его рассеять. Чем более я анализировал себя, тем острее становились терзания моей совести, и поэтому, чтоб найти облегчение, мне не оставалось ничего другого, как обманывать себя, забываясь”...

Кальвин и забывался некоторое время, как мы видели, за усиленной работой. Но долго это продолжаться не могло. Помимо внутреннего состояния души, внешние обстоятельства также побуждали его окончательно выяснить себе свое отношение к католической церкви. Вокруг него реформа ежедневно одерживала новые победы. Многие из его знакомых открыто перешли на сторону нового учения; родственник Кальвина, Роберт Оливетан, горячий приверженец реформации, употреблял все усилия, чтобы обратить и его. Кальвин не мог дольше уклоняться от окончательного решения: он подвергает наконец свои религиозные

воззрения строгой проверке, и результатом этой проверки является его переход на сторону реформации.

В противоположность германскому реформатору, который в своих сочинениях очень часто и с большой словоохотливостью вспоминает историю своего обращения, Кальвин сохраняет о самом процессе своего внутреннего перерождения полнейшее молчание. В знаменитом предисловии комментария к Псалмам, где автор вкратце рассказывает свою жизнь, он только глухо упоминает, что Божественная истина сразу, как молния, озарила его, что он понял тогда, “в какой бездне заблуждений, в какой глубокой тине погрязала до тех пор его душа. И тогда, о Боже, я сделал то, что было моим долгом, и со страхом и слезами, проклиная свою прежнюю жизнь, направился по Твоему пути”.

Покончив со своими прежними сомнениями, Кальвин быстро и решительно становится на новый путь. Это человек, неспособный на компромиссы, не признающий полумер. Он отказывается от блестящей карьеры, которая ожидала его как на духовном, так и на ученом поприще, и решается сделаться проповедником нового учения. Прежние занятия гуманитарными науками заброшены окончательно; комментарий к Сенеке – его первая и последняя философская работа. Гуманист становится теологом, Библия и отцы церкви навсегда вытесняют классиков.

Глава II. Кальвин становится проповедником Евангелия

Речь в университете. – Бегство из Парижа. – Пребывание Кальвина в Ангулеме и Нераке. – Первое теологическое сочинение Кальвина. – Возвращение в столицу, история с “летучими листками” и “очищение” Парижа. – Кальвин поселяется в Базеле и издает “Христианскую институцию”

Это внезапное, хотя, в сущности, давно уже назревавшее обращение произошло во второй половине 1532 года. Скоро маленькая евангелическая община в столице почувствовала, какое важное приобретение она сделала в лице своего нового члена. Не прошло и года, как ученый комментатор Сенеки, несмотря на свою молодость, становится духовным центром всех приверженцев нового учения в Париже. “Все, что было предано чистому учению, – рассказывает он сам не без гордости, – собиралось вокруг меня, чтобы поучаться у меня, неопытного молодого человека”.

В Париже Кальвин познакомился с одним ревностным приверженцем реформы, купцом Этьеном Делафоржем, лавка которого служила обычным местом сходов для всех его единомышленников. Здесь Кальвин часто говорил свои проповеди, полные энергических нападок на католицизм. Подобно Лютеру, он громил невежество духовенства, богатства церквей, роскошный образ жизни прелатов, отрицал исповедь, называл бессмыслицей путешествия для поклонения святым местам или чудотворным иконам. В пламенных выражениях оратор возвещал своим слушателям новое слово, долженствовавшее обновить мир – основной догмат реформации об оправдании верой. Его голос проникал и к томившимся в темницах единоверцам, которых он утешал и укрепляя в вере своими письмами, обнаруживая в доставлении их замечательную изобретательность.

Но Кальвин не довольствовался этими успехами. У него возникла мысль вызвать движение сверху.

Обращение Кальвина произошло в такое время, которое было сравнительно благоприятно для реформации. Франциск I, этот “король-рыцарь”, покровитель наук и искусств, под влиянием своей сестры Маргариты Наваррской и фаворитки, герцогини д’Этамп, первое время относился снисходительно к новым идеям. Довольно равнодушный вообще

к вопросам веры, он вначале смотрел сквозь пальцы на распространение протестантизма в своих владениях, покровительствовал гуманистам и даже сдерживал усердие Сорбонны в борьбе с новым учением. Но религиозный фанатизм новообращенных, их частые враждебные демонстрации против господствующей церкви сильно навредили им в глазах короля. Католическая партия сумела представить их Франциску I людьми, опасными в политическом отношении, и после своего поражения при Павии, нуждаясь в поддержке папы для борьбы с германским императором, он усиливает строгости против “еретиков”. Однако влияние любимой сестры по временам заставляло его ослаблять эти строгости. Она даже добилась того, что король согласился присутствовать на проповедях некоторых приверженцев реформации и сделал строгий выговор Сорбонне, осмелившейся осудить сочинение Маргариты “Зеркало греховной души”, в котором проводились некоторые реформационные идеи. Под ее влиянием он даже решил было вызвать из Германии знаменитого Меланхтона, чтобы выслушать его мнение, и по этому поводу вступил с ним в переговоры.

Пользуясь этим благоприятным настроением короля и горя нетерпением проявить свое религиозное усердие, Кальвин задумывает смелый план – он решается открыто, перед лицом всей Франции, возвестить новое, чистое учение.

В праздник Всех Святых друг его, Николай Коп, избранный в октябре 1533 года ректором университета, должен был по обычаю произнести публичную речь. Речь эту составляет для него Кальвин. В назначенный день перед многочисленной аудиторией Коп произносит речь “О христианской философии”, в которой, под очень прозрачным покровом, проводился основной принцип Лютеровой теологии – об оправдании верой – и делались резкие нападки на “софистов”, под которыми подразумевались теологи Сорбонны. Этот смелый вызов, брошенный католицизму, наделал, конечно, много шума. Сорбонна была возмущена такой неслыханной дерзостью и потребовала удовлетворения. Парламент также принял ее сторону. Ректор, потребовавший к допросу, спасся бегством в Базель. Против Кальвина, на которого молва указывает как на автора речи, также возбуждается преследование. Но друзья вовремя предупреждают его, и, в то время как пришедшие арестовать его обыскивают его бумаги, Кальвин, выскочив через окно, пробирается в предместье и, переодевшись, как гласит предание, в крестьянское платье, оставляет Париж.

Эта первая неудачная попытка подействовала отрезвляюще на религиозный пыл новообращенного. Он должен был убедиться, что своей смелой выходкой оказал евангелической партии медвежью услугу. Урок не

прошел для него даром, и с тех пор он проявляет в своих действиях больше осмотнительности.

Общественное мнение было слишком возбуждено против смелых новаторов, и потому, несмотря на заступничество Маргариты Наваррской, Кальвин не решается вернуться в Париж и под именем д'Еспевилля отправляется в Южную Францию. С тех пор для молодого ученого начинается тревожная скитальческая жизнь. Достоверных сведений об этом времени у нас очень мало, несмотря на то, что биографы Кальвина разукрасили период, последовавший за его бегством из Парижа, различными романическими подробностями. Несомненно лишь то, что во время своих странствий он продолжал, хотя с большей осторожностью, проповедовать новое учение, и эти проповеди сопровождались большим успехом. Более продолжительное время Кальвин проводит в Ангулеме, где спустя еще много лет показывали виноградник, в котором молодой скиталец любил предаваться размышлениям. Здесь он знакомится с каноником Луи дю Тиллье, у которого находит не только самый радушный прием, но и необыкновенно богатую библиотеку. У этого Тиллье, в его прелестном уединенном домике, он прожил сравнительно долго, и здесь-то был задуман, а может быть и начат великий труд, вскоре прославивший его имя на весь протестантский мир. Отсюда Кальвин часто предпринимал поездки по окрестностям, повсюду проповедуя новое учение, но, очевидно, с такой осмотнительностью, что местное духовенство даже сочло возможным поручить ему составление некоторых "духовных увещаний" и разрешить публичные проповеди. В мае 1534 года мы застаем его на родине, в Нойоне, где он окончательно отказывается от своих приходов, не считая возможным долее сохранять их за собой при своих изменившихся религиозных убеждениях. Впрочем, это не мешает ему уступить их другим лишь за известное вознаграждение – обстоятельство, которое часто ставили ему в вину его католические противники. Некоторое время он проводит также в Нераке, при дворе Маргариты Наваррской, которая приняла его с большим радушием. Наконец к этому же периоду относится появление его первого теологического труда – "Psychopannychia" ("Сон душ"), в котором резко осуждается учение анабаптистов, утверждавших, что после смерти человеческие души пребывают в состоянии сна до наступления Страшного Суда. Сочинение это представляет замечательный контраст с его предыдущим трудом. Резкий полемический тон, признание безусловного авторитета Библии ясно показывают в авторе теолога, который окончательно отказался от своих прежних гуманистических тенденции.

К концу того же года Кальвин решает вернуться в Париж.

Королеве Маргарите удалось выхлопотать у брата, чтобы дело об университетской речи было улажено. Благодаря ее стараниям в Париже даже образовалась маленькая протестантская церковь, и можно было надеяться, что дальнейшее ее развитие не встретит сильных препятствий. Но этому мирному развитию помешали беспорядки в среде самих протестантов. Дело в том, что наряду с учением Лютера из Германии стали проникать учения разных сектантов. Некоторые из них были не только враждебны католицизму, но даже отличались антихристианским направлением – таковы, например, секты анабаптистов и антитринитариев, отрицавших Св. Троицу. Все это, конечно, отражалось невыгодно на успехах нового учения, вносило раскол и беспорядок в неокрепшую еще церковь. Но еще более губило дело реформации несвоевременное усердие и фанатизм ее поборников. Не довольствуясь мирной пропагандой своего учения, они позволяли себе открытые враждебные демонстрации против католической церкви, часто нападали на религиозные процессии, совершали разные бесчинства в церквях. Чтобы содействовать распространению новых идей, они составляли “летучие листки”, в которых осмеивалось папство и его заблуждения, и эти листки вывешивали ночью на церковных и монастырских дверях, на воротах Лувра и Сорбонны. В 1534 году количество подобных листов было так велико, что сам этот год получил от них название “l’annee des placards”^[1]. Все эти демонстрации только усиливали раздражение католиков. Сам Беза осуждает эти излишества своих единомышленников, так как можно было ожидать, что “король в конце концов начнет находить вкус в истинах нового учения”.

18 октября 1534 года Париж находился в сильном волнении. На всех общественных зданиях, даже на дверях королевского кабинета, оказались вывешенными “летучие листки”, где в самых оскорбительных выражениях говорилось “о великих и отвратительных злоупотреблениях папской мессы”, причем доказывалось, что католики только профанируют таинство причащения.

Король и все католики были возмущены таким богохульством. Решено было не давать больше пощады еретикам и немедленно предпринять “очищение” (lustration) Парижа. 29 января 1535 года король, с факелом в руке и обнаженной головой, в сопровождении всего двора и громадной толпы народа, направился во главе грандиозной процессии к епископскому дворцу и, по совершении торжественного богослужения, объявил собравшемуся духовенству, парламенту и народу, что не потерпит более никакого оскорбления величия Божия и будет беспощаден к виновным, хотя бы в числе их оказался его собственный сын. В тот же день, в виде

грозного предостережения, в различных частях города запылали костры, на которых погибли мученической смертью шесть арестованных протестантов. В числе их находился и друг Кальвина, Делафорж.

При таких обстоятельствах оставаться во Франции было слишком рискованно. Кальвин решает оставить отечество и отыскать какой-нибудь уединенный уголок, где бы он мог в полной безопасности отдаться своим теологическим работам. В сопровождении Тиллье, который стал его горячим приверженцем, он переходит через границу. Недалеко от Меца один из слуг обкрадывает их, и они, почти без всяких средств, пешком добираются до Страсбурга. Здесь Кальвин впервые может свободно вздохнуть. Бусер уговаривает его остаться, но он жаждет полного спокойствия и потому, после короткого отдыха, снова собирается в путь и достигает Базеля.

Этот гостеприимный город, служивший убежищем для многих французских эмигрантов, понравился Кальвину. Здесь жили в то время гуманисты Капито и Гринеус; здесь же доживал свои дни знаменитый Эразм Роттердамский, который, как рассказывают, увидев Кальвина впервые, сразу оценил его своим тонким критическим умом и заметил: “В лице этого молодого человека против церкви готовится страшный бич”.

Кальвин решает окончательно поселиться в Базеле и вперед служить делу реформации лишь путем литературы. Чтобы не привлекать к себе внимания, он живет под чужим именем и ведет самую тихую, уединенную жизнь. Он принимает участие во французском переводе Библии, затеянном его родственником Оливетаном, и пишет к нему предисловие, где защищает право всякого верующего на беспрепятственное пользование Св. Писанием. В то же время он серьезно работает над своим давно уже задуманным трудом “О христианской институции”.

Но, наслаждаясь спокойствием, Кальвин все-таки не может не прислушиваться к вестям, приходящим с родины. А эти вести становились все тревожнее. Франциск I нуждался в союзе протестантских князей для борьбы со своим злейшим врагом Карлом V. Чтобы оправдать перед своими союзниками жестокости, совершавшиеся во Франции над их единоверцами, он распускал слух, что эти преследования направлены только против анабаптистов, которые не были терпимы и в Германии, и что казни их вызываются не их религиозными мнениями, а теми антимонархическими разрушительными идеями, которыми проникнуто их учение.

Тогда Кальвин решает выступить в защиту своих оклеветанных братьев. “Я счел бы предательством молчать дольше”, – говорит он сам про

свое тогдашнее настроение. И он с усиленным рвением принимается за работу и заканчивает наконец свою знаменитую “*Institutio religionis Christianae*”^[2].

Глава III. “Христианская институция” и ее значение для Реформации

Кальвин радикальнее Лютера. – Учение об оправдании верой у Кальвина; догмат о предопределении; толкование таинства евхаристии. – Учение Кальвина о церкви и государстве; их взаимные отношения. – Ветхозаветный дух его учения. – Кальвинизм и католицизм. – Общая характеристика сочинения: его полемический тон, слог; его необыкновенный успех

Первоначальный план Кальвина, когда он задумал этот труд, состоял в том, чтобы дать соотечественникам краткое популярное изложение основных принципов нового учения. Теперь, ввиду изменившихся обстоятельств, план этот подвергся некоторым изменениям. Противники реформации должны были убедиться, что последователи ее не только не придерживаются каких-либо разрушительных доктрин, но что они одни стоят на истинно евангельской почве, что истинная церковь лишь та, к которой принадлежат они, приверженцы так называемого нового, но в сущности первоначального, неискаженного христианского учения. Сочинение, таким образом, должно было приобрести характер апологетически-полемический. Кроме того, чтобы сделать его доступным всему образованному миру, необходимо было издать его на латинском языке.

В 1536 году в Базеле появилось первое издание “Христианской институции”; это был небольшой том страниц в 500 in octavo. С тех пор одно издание следовало за другим, и каждый раз объем книги все увеличивался. Это был главный, любимый труд реформатора, к которому он постоянно возвращался, отделявая детали, усиливая доказательства и пополняя пропуски. В первом издании “Христианская институция” состояла всего лишь из шести глав; последнее (6-е, при жизни реформатора) издание 1559 года состояло уже из четырех книг, подразделявшихся на 80 глав. За каждым латинским изданием обыкновенно следовал его французский перевод. Но, несмотря на эти переработки, основные идеи “Христианской институции” остаются одинаковыми во всех изданиях. Двадцатилетний автор исповедовал те же принципы, которые защищал до конца своей жизни.

“Христианская институция”, бесспорно, была самым выдающимся

произведением эпохи Реформации. Мысль изложить в стройном систематическом порядке основные начала протестантизма являлась уже и до Кальвина. Были и попытки этого рода – таковы, например, “*Loci communes*” Меланхтона (1521), “*Commentarius de vera et falsa religione*” Цвингли (1525), катехизис Фареля, но все эти произведения делали еще ощутительнее недостаток такого труда, который представлял бы цельное и законченное изложение протестантской теологии. Появление “*Institutio religionis Christianae*” составляет поэтому эпоху в истории. С тех пор приверженцы реформы могли выставить свою ясную, отчетливую формулу веры и в борьбе с католицизмом, сильным своей стройной организацией, опереться на организацию не менее стройную и законченную.

Рассмотрим же в главных чертах это учение в том законченном виде, в каком оно является в последнем издании “Христианской институции”.

Для биографа Кальвина сочинение это представляет двоякую ценность – не только как программа деятельности, которой он неуклонно следовал всю жизнь, но и потому, что в этом сочинении, точно в зеркале, отражается сам характер, склад ума реформатора. Действительно, его ясный, светлый ум, его беспощадная логика не знают середины, не признают полумер: то, что у его предшественников является только намеченным, у него развивается до последних логических выводов. Кальвин не входит ни в какие сделки с преданием. Без страха, без сожаления он разрушает все старое и на его обломках воздвигает гордое здание своего учения, величественное и мрачное по своей смелости и неумолимой последовательности.

Если сравнить системы двух реформаторов – германского и женеевского, то роль, которую играет в каждой из них личный характер и условия развития их творцов, становится еще заметнее. Лютер провел значительную часть своей жизни на службе католической церкви и проникся ее духом, от которого не может отрешиться и впоследствии. Кальвин, развитие которого совершалось уже под влиянием новых веяний, никогда, собственно, не был вполне убежденным католиком. То, что удерживало его так долго в старой церкви, было не столько твердое убеждение, сколько врожденная любовь к порядку, которая заставляла его видеть в единстве и образцовой иерархии католической церкви единственный идеальный, Богом установленный порядок вещей. Раз отрешившись от этого взгляда, он уже не останавливается на полдороге – он круто и бесповоротно порывает с прошлым и становится непримиримым антагонистом католической церкви. Лютер отступает от церковной традиции лишь настолько, насколько его вынуждает к этому

буква Писания. Он признал бы даже и папу, если б тот не мешал ему проповедовать. Кальвин гораздо радикальнее. Он признает только один безусловный авторитет – Св. Писание. По его мнению, Бог раз и навсегда выразил свою волю в Св. Писании, и вся жизнь человечества – не только религиозная и нравственная, но политическое и церковное устройство – должна быть строго согласована с буквой этого закона. Церковная традиция для него пустой звук. Отцы церкви имеют значение лишь в той степени, в какой их учение соответствует прямому смыслу Писания, и в полемике с ними реформатор часто позволяет себе самые пренебрежительные выражения. Не менее решительно, чем церковное предание, он отвергает и помощь человеческого разума. “Лучше невежество верующего, чем дерзость мудрствующего” – таков отныне девиз недавнего гуманиста. Христианство в его учении становится, таким образом, “религией книги”, неизменным и неподвижным, как ислам, раз навсегда заключенным в тесные рамки Св. Писания. Недоступное никаким влияниям истории и философии, сковывающее всякое развитие форм общественной и религиозной жизни, оно, как мы уже сказали, служит верным отражением жизни и характера самого реформатора, который, раз выяснив себе свою программу, ни в чем не отступал от нее до конца жизни.

Учение об оправдании верой, об абсолютной невозможности для человека собственными усилиями добиться спасения, – этот центральный пункт Лютеровской догматики, – занимает и у Кальвина выдающееся место. Как известно, учение это возникло как протест против католического учения о добрых делах, под которыми разумели почти исключительно дела внешнего благочестия. Лютер ополчился против крайностей этой теории, поведшей к гнусной торговле индульгенциями. Он доказывал, что добрых дел недостаточно, что спасти человека может только вера, одна вера в искупительный подвиг Христа, причем, однако, полагал, что и сама вера является в человеке только вследствие Божьей благодати. Это учение, найденное им в сочинениях св. Августина и уже заключающее зачатки предопределения, германский реформатор старается все-таки примирить со свободной волей человека. Кальвин и тут идет гораздо дальше. С беспощадной логикой он доказывает, что если вера есть лишь действие благодати, если человек сам, без Божественной помощи, не может спастись, то из этого следует, что и спасение, и не спасение его зависит исключительно от Божественной воли, что свободы воли нет и не может быть, что допускать последнюю – значит ставить Бога в зависимость от человека. Человек существует лишь для прославления величия Бога, который одних, для возвеличения своего милосердия, предопределяет к

спасению, других – для возвеличения своей справедливости – к проклятию. Чтобы исключить всякую мысль о свободе человеческой воли, Кальвин с особенной силой подчеркивает, что под этим предопределением не следует понимать лишь то, что Бог наперед знает все человеческие дела. Спасение не зависит также от одной только веры. Истинно верующим может быть лишь тот, кто “избран”. Подобно тому, как Бог, не обращая внимания на заслуги, руководствуясь своей вечною, неизменною, непостижимою для нас волей, одних избирает для спасения, точно так же он осуждает других – “еще раньше, чем они совершили что-либо хорошее или дурное” – на вечное проклятие. И при этом Он не ограничивается в отношении этих заранее осужденных одним только попустительством зла – Он сам ожесточает их сердца, толкает их ко злу. Дьявол, который творит зло лишь с разрешения Бога, может только мучить избранного, но не победить его. Божественная воля не знает перемен и колебаний. Кто раз был записан в книгу жизни, тот не может быть вычеркнут из нее; кто владеет Божественной благодатью, тот никогда не утратит ее, несмотря на все свои заблуждения. Только для избранного имеет значение молитва, вера, страх Божий. Тот же, кто записан в книгу смерти, остается неизменным “сосудом гнева Божия”, и все, даже его добрые дела, ведет его к проклятию. Его добродетели, его вера – призрачны, спасение для него невозможно.

Это учение о божественном предопределении представляет излюбленный догмат реформатора, фундамент, на котором построена вся его система. На нем основано и его понимание всех остальных догматов христианства – учение об искупительном подвиге Спасителя, о первородном грехе и др. Толкование таинства причащения, в котором Кальвин также расходится как с Лютером, так и с Цвингли, представляет лишь применение того же основного догмата. Основываясь на словах Спасителя: “сие есть тело Мое” (хлеб), “сие есть кровь Моя” (вино), Лютер проповедовал реальное присутствие Христа в евхаристии; Цвингли, напротив, утверждал, что в данном случае слово “есть” значит “знаменует”, и потому признал за причащением лишь символическое значение. Кальвин стоит на точке зрения, средней между Лютером и Цвингли. По его учению, приобщающемуся сообщается Божественная благодать, духовная субстанция Христа, но лишь в том случае, если он принадлежит к “избранным”.

Это мрачное учение, отвергающее свободу воли, отнимающее у “осужденного” всякую надежду, делающее человека бессмысленной игрушкой непонятной ему высшей воли, по временам внушало “содрогание” и самому провозвестнику его. Он не мог не понимать, что,

отнимая у человека возможность путем нравственного самоусовершенствования добиваться вечного спасения, он этим самым открывает полный произвол человеческим страстям. Поэтому реформатор старается отвратить грозящую опасность. По его учению, человек не должен проникать в тайны божественных решений; он не может знать, принадлежит он к числу избранных или отверженных, и должен поэтому ревностно заботиться о том, чтобы по своему поведению оказаться достойным избрания. Необходимо отклонять от себя как опасное искушение всякое сомнение в своем конечном спасении и следовать по тому пути, который указал нам Господь в своем законе. “Человек падает, – говорит Кальвин, – потому что так постановлено свыше, но грешит он по своей вине”.

Учение Кальвина о церкви связано с этим догматом о предопределении. Истинная церковь состоит только из избранных, но так как в этой жизни нельзя знать, кто избран, то к ней должны принадлежать все люди. Эта видимая церковь служит как бы внешней оболочкой для невидимой церкви избранных. Принадлежность к ней необходима, “вне ее нет спасения, нет прощения грехов”, разрыв равносителен отречению от Бога и Христа. В этой видимой церкви должна господствовать величайшая чистота нравов. У верующего должна быть одна забота – спасение души; всякие другие земные желания греховны. Церковь должна заботиться о спасении своих членов; она имеет не только право, но и обязанность следить за ними как в общественной, так и в частной их жизни, и строго наказывать всех непокорных, причем важнейшим дисциплинарным средством должно служить отлучение от церкви.

Но, спрашивается, в чьих же руках должна сосредоточиться эта воспитательная и наказующая власть церкви, кого Кальвин делает ее носителями и органами?

Учение о церкви представляет одну из важнейших сторон его системы. Отвергая церковную традицию, признавая единственным источником и нормой веры, единственным авторитетом Библию, доступную всякому верующему, он этим самым признает за последним такую компетентность в делах веры, которая неизбежно должна вести к демократической организации церковной власти. Действительно, в теории Кальвин решительно высказывается в пользу последней. Церковная власть принадлежит самой церкви, то есть всем членам, из которых она состоит. Каждая община должна пользоваться самоуправлением в делах веры; она сама организует свое церковное управление, сама охраняет свою веру. Таков был теоретический взгляд Кальвина, высказанный им в

“Христианской институции”. На практике же, когда ему пришлось реализовать свои идеи в Женеве, это самоуправление общины сделалось довольно призрачным. Кальвин и по особенностям своей натуры, и по убеждениям – аристократ. Само учение о предопределении отличается аристократическим характером. По этому учению, только немногие избраны Богом для спасения; эти избранники, в своем роде аристократы духа, теряются среди массы осужденных, отверженных. Эти-то аристократические симпатии вытесняют на практике первоначальный демократический элемент в устройстве церкви. Носителями церковной власти являются проповедники или пасторы. Правда, они избираются общиной, но предлагают их другие проповедники, которым принадлежит и решающий голос, так что, в сущности, выборы остаются в руках немногих. Мы увидим впоследствии, каким аристократическим характером отличалось то политическое устройство, которое он ввел в свободной женевской общине.

Отличаясь от Лютера в своем взгляде на высокое призвание духовенства, которое, по его учению, должно служить духовным руководителем общины и в руки которого последняя отдает исправительную и наказующую власть церкви, Кальвин еще сильнее расходится с Лютером в определении роли светской власти, государства. Лютер подчинил церковь государству; Кальвин считает оба института одинаково необходимыми для блага людей и старается связать их в одно целое, в котором, однако, преобладает теократический элемент. Государство, по учению Кальвина, в какой бы оно ни выразилось форме, установлено самим Богом и так же необходимо для человека, как пища, свет и воздух. Он находит даже, что слишком строгое правительство лучше слишком слабого, признавая справедливость старой латинской поговорки, по которой государь, разрешающий все, представляет гораздо большее зло, чем тот, который не разрешает ничего. Правительство должно употреблять врученный ему Богом меч для защиты угнетенных, для наказания порочных, для поддержания общественного порядка и спокойствия, но оно не имеет никакой власти над совестью людей, не может присваивать себе авторитет в делах веры. Произвольное смешение светской и духовной власти противно слову Божию. Но вместе с тем, по учению автора “Христианской институции”, не следует полагать, что обе эти власти должны существовать совершенно отдельно друг от друга. В сущности, они преследуют одну и ту же задачу. Подобно тому, как внешняя, телесная жизнь – сфера деятельности государства – должна служить только высшей жизни души, так и государство исполняет свою задачу лишь в тесном

союзе с церковью и хотя само по себе не имеет власти в сфере церковной жизни, но зато оно имеет свою обязанность всеми зависящими от него средствами поддерживать деятельность церкви, проникнуться ее духом, следовать ее внушениям. Таким образом, Кальвин в этом вопросе придерживается точки зрения католиков. Государство его получает теократический характер. Оно должно содействовать распространению слова Божия, поддерживать деятельность церкви в этом направлении, строго преследовать идолопоклонство и оскорбление Божьего величества. Религия и страх Божий – вот те основы, на которых должна быть построена государственная жизнь. Всякое политическое устройство, которое не удовлетворяет этим требованиям, достойно осуждения. Аристократические симпатии Кальвина сказываются и в выборе той формы правления, которую он считает наиболее обеспечивающей народное благо. Это аристократическая республика. Такая форма правления, по словам его, была и у древних иудеев, до Давида. Но какова бы ни была форма правления, какие бы злоупотребления светская власть ни позволяла себе по отношению к подданным, Кальвин предписывает полное, слепое повиновение последним. Единственное исключение допускается в том случае, когда требования этой власти противоречат слову Божию. В этом случае – но только в этом – подданные, в лице своих представителей, имеют право оказать сопротивление правительству.

Значение этого опасного исключения – особенно опасного ввиду той растяжимости, которой, по учению реформатора, отличается понятие о слове Божиим – он старается ослабить тем, что во всем остальном требует от верующих безусловной покорности. Как бы велики ни были злоупотребления светской власти, как бы ни давило бремя налогов, как бы соблазнительно ни было поведение власть имущих, истинно верующий не должен позволять себе никакой критики их действий; он должен помнить, что величие трона, воздвигнутого Богом, неприкосновенно, что дурные правительства ниспосылаются нам свыше в наказание за грехи, и в смирении ждать помощи от Бога.

Таково в основных чертах учение Кальвина, проникнутое, по его мнению, истинным, неискаженным духом Св. Писания. Библейский дух действительно сказывается в некоторых частностях этого учения – например, в устройстве богослужения, в полном изгнании из него всех форм, говорящих чувству или воображению. Разделяя с Лютером его непримиримую ненависть к папе, которого он считает антихристом, к католической церкви, которую называет Вавилоном, вавилонской грешницей, к католическому духовенству, для которого он не находит

достаточно сильной брани, Кальвин в преследовании форм католического богослужения идет гораздо далее германского реформатора. Все, что только может напомнить старое суеверие, изгоняется с беспощадною строгостью. Вся католическая месса отменена, употребление в храмах икон или статуй, к которым он применяет смысл второй заповеди, преследуется как служение идолам. Все праздники, основанные на почитании памяти святых, отменяются; впоследствии Кальвин уничтожил и все остальные, сохранив значение церковного праздника лишь за одним воскресным днем. В своем неумолимом преследовании всех чувственных форм католического ритуала Кальвин идет еще далее древнебиблейских требований. По его мнению, даже допущение музыки в богослужении, которая практиковалась в иерусалимском храме, было только уступкой “слабости времени”, и поэтому он требует ее изгнания. Его религия – религия духа, она не нуждается ни в каких внешних формах. В системе наказаний за различные преступления против нравственности – та же беспощадная строгость, опирающаяся на Моисеево законодательство. Если последние издания “Христианской институции” представляют какие-либо изменения против первых, то эти изменения лишь в смысле большего усиления требований реформатора и развития его основных положений до последних логических выводов.

Несмотря на этот ярко выраженный антагонизм с католичеством, нельзя, однако, не заметить, что учение Кальвина имеет с последним несколько точек соприкосновения. Недаром говорит пословица: *les extremities se touchent* (крайности соприкасаются). Уже современники заметили эту черту и называли иногда в насмешку реформатора женевским папой, а Женеву – протестантским Римом. Действительно, представляя самый резкий протест против католицизма, кальвинизм тем не менее имеет с ним много общего. Та же нетерпимость, то же подчинение человеческого разума, – только в первом это подчинение делается церковному авторитету, а во втором – букве закона. Подобно католицизму, реформация Кальвина отличается универсальным характером, чуждым всяких национальных тенденций. Ненавидя все католическое, женевский реформатор, однако, не может отделаться от чувства удивления перед стройной организацией римской церкви и старается ввести такую же организацию в своей. Сам теократический характер его республики представляет как бы сколок с той всемирной теократии, к которой стремились папы. Кальвин отрицал монашество, но аскетический идеал католицизма он предъявлял всем верующим. Вольтер метко охарактеризовал эту особенность женевской реформации. “Кальвин, – говорит он, – широко растворил двери

монастырей, но не для того, чтобы все монахи вышли из них, а для того, чтобы загнать туда весь мир”.

В читателе, который станет изучать “Христианскую институцию” с точки зрения современных понятий, это мрачное учение действительно не может не вызвать чувства “содрогания”. Этот неумолимый, беспощадный Бог, который в своем непостижимом предвечном решении сделал нас, без всякой вины с нашей стороны, “сосудом своего гнева”, который не смягчается нашими молитвами, который с какой-то сатанинской злобой толкает отверженных все дальше по пути гибели – этот Бог гнева и мести так мало подходит к нашим представлениям о Боге любви и всепрощения. Мы не можем не считать систематическим подавлением человеческой личности, человеческой свободы это учение, которое требует слепого повиновения букве закона, отрицая всякое вмешательство разума в дела веры, и стремится раз навсегда замкнуть всю жизнь в одни и те же неподвижные мертвые формы. Для Кальвина наука, философия – только дерзкие попытки проникнуть в тайны непостижимой для нас воли Божества. Те формы жизни, которыегодились для человечества в эпоху библейскую, должны быть для нас обязательными и теперь.

Но еще более отталкивающе, чем содержание, действует на современного читателя сама форма сочинения, тон, который автор принимает в отношении своих противников. Кальвин считает свое учение единственно верным пониманием христианства, убежденный в своей непогрешимости, он всех своих противников считает врагами божественной истины, орудиями сатаны, злостными богохульниками. Все сочинение отличается страстным полемическим тоном. Нет наказания, которое казалось бы ему достаточно строгим для людей, не признающих божественного слова, истинным глашатаем которого он считает себя; нет брани, достаточно сильной для них. “Нечестивые собаки”, “шипящие змеи”, “дикие звери” и т. п. – вот обычные эпитеты, которыми он награждает своих противников, не стесняясь употреблять их даже в отношении людей безупречной нравственности.

Но как ни неприятно поражает нас это отсутствие христианской терпимости и кротости в этом проповеднике “истинного” христианства, мы не должны забывать духа той эпохи, когда он выступил на арену борьбы. Эта резкость тона, эта несдержанность выражений была вполне в духе времени, и Лютер был так же нетерпим в своей полемике, как и Кальвин. Несмотря на свои недостатки, “Христианская институция” произвела фурор в тогдашнем реформационном мире. Кальвин не писал для массы, он не обладал популярным красноречием Лютера; его сочинения,

отличавшиеся строгой логичностью и убедительностью, распространялись лишь в среде образованных классов. И в этих кругах общества успех “Христианской институции” был необыкновенный. Не только протестанты, но и католики поняли, какую могущественную опору первые приобрели в этом произведении молодого писателя. Католический писатель Флоримон де Ремон называет его не иначе, как “Кораном, Талмудом ереси, главной причиной наших бедствий”, и ненависть, с которой католические писатели всех времен обрушиваются на это важнейшее произведение реформационного гения, служит лучшим доказательством того вреда, которое оно нанесло католицизму.

Не менее поразительным, чем необыкновенная ясность и выдержанность системы в “Христианской институции”, чем громадная начитанность ее автора, является самый язык книги. В этом отношении даже самые ожесточенные противники Кальвина отдают ему полную справедливость. “Слог Кальвина ясен, прост, изящен, остроумен, отличается разнообразием форм и тона” – вот качества, признаваемые единогласно как за латинским, так и за французским изданием. Но относительно французского языка Кальвину принадлежит еще другая заслуга. Подобно немецкому переводу Библии Лютера, французский перевод “Институции” представляет первый образцовый памятник французской прозы. До тех пор ученые сочинения писались почти исключительно на латинском языке. Кальвину приходилось часто создавать новые формы языка, изобретать новые обороты, и он справился с этой задачей блестящим образом. Некоторые части его сочинения, особенно те, где он говорит о величии Св. Писания, о значении молитв, производят глубокое впечатление – их ставят наряду с лучшими страницами Паскаля и Боссюэта. Но самое блестящее место в его сочинении представляет знаменитое посвящение Франциску I, в котором автор с пламенным красноречием берет под свою защиту своих оклеветанных единоверцев.

Выпуская в свет свое произведение, Кальвин, конечно, и не подозревал, что ему придется когда-нибудь самому осуществлять на практике свои идеи. После своего неудачного дебюта в Париже он решил лишь пером вести пропаганду нового учения. В Базеле он жил так уединенно, что даже близкие знакомые не знали про его планы и никто из окружающих не подозревал в этом молодом скромном ученом автора только что вышедшего и наделавшего столько шума произведения.

Впрочем, чтобы избежать возможного открытия своего авторства, Кальвин решает даже на время уехать из Базеля. Весною 1536 года он появляется в Ферраре, при дворе герцогини Феррарской – Ренэ, дочери

французского короля Людовика XII. Подобно Маргарите Наваррской, молодая, необыкновенно образованная герцогиня уже и раньше высказывала сочувствие новым идеям. Приезд Кальвина окончательно склонил ее в пользу реформации; ему удалось также обратить и некоторых придворных, но происки инквизиции скоро положили предел этим успехам. “Я увидел Италию лишь затем, чтобы опять покинуть ее”, – говорил он с сожалением. С тех пор между Кальвином и герцогиней Феррарской завязывается оживленная переписка, которая не прекращается до самой его смерти.

Из Италии Кальвин еще раз отправляется в свой родной город, где окончательно приводит в порядок свои домашние дела, и отсюда думает пробраться в Базель, чтобы поселиться в нем навсегда. Но в это время, по случаю войны, пройти через Лотарингию было невозможно. Пришлось сделать обход на Савойю, и таким образом Кальвин проездом попал в Женеву.

Глава IV. Женева до Кальвина

Ее история, оригинальное политическое устройство; характер города и населения; патриотизм жителей. – Политика Савойского дома и борьба с Савойей. – Союз с Берном и начало реформации. – Гильом Форель – первый женевский реформатор. – Женева становится независимой и протестантской. – Внутреннее состояние города по окончании борьбы

На южном берегу прелестного Леманского озера, утопая в зелени, увенчанный сверкающими вершинами Альп, расположен тот город, которому суждено было сделаться новым центром религиозного движения, оплотом реформации. Город этот принадлежит к числу древнейших в Европе. После распада монархии Карла Великого в Женеве наступает продолжительный смутный период, в течение которого в ней непрерывно происходит борьба двух властей, – с одной стороны, женевских графов, которые в XIV веке уступают свои права герцогам Савойским, а с другой, – епископа, который, благодаря частой смене светских властей, успел и сам приобрести довольно значительную светскую власть.

В этой борьбе принимает участие и женевская община. Помогая то той, то другой стороне, она приобретает все более и более привилегий, пока наконец не разрастается сама в такую силу, с которой приходится считаться остальным. В конце концов власть в Женеве оказывается распределенной следующим образом. Епископ в одно и то же время и духовный, и светский государь. Он избирается соборным капитулом и дает при избрании торжественную присягу защищать все права и обычаи граждан. Он имеет право назначать подати, чеканить монету. При нем находится совет, члены которого избираются из среды соборного капитула и которому принадлежит суд в важнейших гражданских делах. В уголовных делах епископу принадлежит только право помилования. Рядом с епископом существует власть савойского графа (потом герцога), который передает ее своему наместнику, “вице-дому”. Последнему принадлежит только исполнительная власть.

Но, несмотря на присутствие этих двух властей, и самая община пользовалась обширными правами. Устройство ее было чисто демократическое. Два раза в году, при звуках большого колокола в соборе Св. Петра, все главы семейств собирались на генеральное собрание граждан. Это общее собрание (conseil general) избирало четырех синдиков

и казначея, издавало эдикты, обсуждало союзы и назначало цены на вино и зерновой хлеб. Синдики, избиравшиеся только на один год, считались настоящими представителями муниципальной самостоятельности перед епископом и графом, которые должны были приносить им присягу в охранении прав и свободы города. Им принадлежало право произносить приговоры по особенно важным уголовным делам; они одни могли присуждать к темнице, пытке, которая, впрочем, употреблялась очень редко и в легкой форме, и к смертной казни. Рядом с ними находился “малый совет”, состоявший из казначея и двадцати назначенных ими членов, заведовавших всеми городскими делами. В более важных случаях приглашались для совещаний представители городских кварталов и наиболее уважаемые граждане; из них со временем образовался “совет шестидесяти”, контролировавший членов малого совета. Но в вопросах первой важности созывалось генеральное собрание всех имеющих право голоса граждан, и решения этого собрания были обязательны для всех, даже для епископа. Впоследствии “совет шестидесяти” был заменен “советом двухсот”.

Это своеобразное политическое устройство, дававшее гражданам Женевы такую редкую свободу самоуправления, служило вместе с тем залогом ее процветания. В конце XV века Женева представляла собой обширный богатый город с величественными башнями и воротами, с многочисленными церквями и монастырями. Множество духовенства, богатое савойское и бургундское дворянство, собиравшееся сюда из своих замков, чтобы наслаждаться прелестями городской жизни, сообщали городу блеск и оживление. Но более всего содействовал процветанию Женевы торговый и промышленный дух жителей. Уже самое положение Женевы было как нельзя выгоднее для процветания города. Женева служила обширным рынком, на котором Германия, Франция и Италия обменивались своими продуктами. Наплыв иностранцев был так велик, что они иногда даже становились в тягость городу. Многие иностранцы приобретали права гражданства, и таким образом население постоянно обновлялось свежей кровью. Этот непрерывный приток новых сил содействовал отчасти и тому, что и сами формы общественной жизни не могли подвергнуться застою. В Женеве не было резко разграниченных классов населения. Каждый гражданин имел доступ ко всем должностям, и часто случалось, что дети новопоселившихся семей достигали высших должностей.

Что особенно поражало иностранца, приехавшего в Женеву, – это необыкновенное трудолюбие ее населения. Целый день в городе раздавалось визжание пил, стук молотков и других рабочих инструментов.

Среди ремесленников было много богачей, произведения которых были известны на всех европейских рынках. Самые уважаемые граждане, члены первых семей в городе, часто занимались каким-нибудь ремеслом или торговлей. Последняя служила главным источником благосостояния жителей. Женевские купцы пользовались репутацией безусловной честности. “Слово женева, – говорили в то время, – стоит золота саксонского курфюрста”.

Положение Женевы на рубеже трех стран, обуславливавшее непрерывное скрещение рас, отразилось, конечно, и на характере ее жителей. Тип женевского гражданина того времени был так же оригинален, как и политическое устройство города. В нем сочетались легкость и подвижность француза, трудолюбие и любовь к порядку немца, художественный вкус и юмор итальянца. Деятельный и пунктуальный в делах, женевец отличался веселым открытым обращением, был гостеприимен, остроумен, любил предаваться удовольствиям, но был более восприимчив и к наслаждениям духовного свойства. Городские празднества отличались не только внешним блеском, но и художественным вкусом и привлекали ежегодно многочисленные толпы народа из других городов. Особенную любовь граждане Женевы питали к театральным представлениям. Ни одно торжественное празднество не обходилось без них. В городском театре часто разыгрывались пьесы, сочиненные простыми ремесленниками. Образование также было в почете. В то время, как до реформации в могущественном Берне не было ни одной типографии, в Женеве их уже насчитывалось несколько. Впрочем, образование жителей отличалось более практическим характером. Особенно развито было знание языков, благодаря обширным торговым сношениям города. В 1429 году один богатый гражданин, Франсуа Версонэ, учредил на свой счет высшую школу “свободных искусств”, в которой обучение было бесплатное и где учащиеся знакомились с Цицероном, Вергилием, Овидием.

Но рядом с этими светлыми сторонами женевской жизни выступали и неразлучные с ними темные стороны. Господствовавшее во всех классах благосостояние породило любовь к роскоши, которая, в связи с легким и подвижным характером населения и постоянным наплывом иностранцев, губительно отражалась на общественной нравственности. Разврат совершался открыто, и все ограничительные меры городских властей сводились лишь к тому, чтобы по возможности урегулировать его. Страсть к игре также свирепствовала среди жителей Женевы. Часто благодаря этой пагубной страсти целые семейства разорялись в короткое время. Но все эти

темные стороны были, в сущности, обычными явлениями всякого большого торгового и промышленного центра. Наряду с печальной легкостью нравов мы видим здесь и черты глубокой религиозности и истинного самопожертвования. Многочисленные храмы, украшенные драгоценными произведениями искусства, более двадцати религиозных братств, члены которых по большей части состояли из ремесленников, частые и богатые пожертвования в пользу церкви – все это, конечно, свидетельствует о религиозном духе, которым было проникнуто женеvское население. Но еще более говорят в его пользу многочисленные благотворительные учреждения. При населении приблизительно в 20 – 25 тысяч человек в Женеве было не менее девяти госпиталей для бедных; кроме больниц, здесь имелись и богадельни для стариков, для нуждающихся проезжих, для нищих, старающихся скрыть свою бедность; устроен был даже приют для заброшенных детей. И все эти учреждения, так же как и ученая академия Версонэ, имели церковное устройство.

Но важнейшей отличительной чертой женеvских граждан, более всего отразившейся на ходе исторической жизни города, был их пламенный патриотизм и непреодолимая любовь к независимости. Эта любовь к свободе придает особую окраску всей истории Женевы, всем явлениям ее политической и религиозной жизни.

Как мы уже видели, из трех властей, разделявших между собой город, власть графа была наименее значительной. Но савойские герцоги, к которым перешла эта власть, были слишком честолюбивы, чтобы довольствоваться ролью простых исполнителей приговоров женеvского синдиката. Всевозможные средства – хитрости, подкупы, угрозы – все пускается ими в ход, чтобы постепенно расширить свои права, стать твердой ногой в городе. Но у герцогов, помимо горожан, ревниво оберегавших свои вольности, был другой соперник – епископ, который всегда принимал сторону граждан и издавна считался их естественным защитником и охранителем против притязаний графа. Таким образом, чтобы добиться цели, герцогам оставалось одно – расстроить доброе согласие между обоими союзниками. Средство для этого нашлось отличное. Под влиянием савойского двора папа присвоил себе право самому избирать епископов для Женевы и стал назначать на этот важный пост принцев из савойского дома. Новые епископы, по большей части люди в высшей степени недостойные, стали, конечно, содействовать во всем замыслам герцога, и в 1513 году Иоганн Савойский, самый безнравственный из всех, совершенно уступает герцогу Карлу III свою светскую власть и совершает целый ряд возмутительных насилий над

свободой и жизнью граждан. С тех пор между герцогом и епископом, с одной стороны, и гражданами Женевы, с другой, – начинается ожесточенная борьба, которая продолжается вплоть до 1535 года. Во главе партии патриотов стоят трое замечательных людей: Бертелье, Безансон и Боннивар. Они ищут союза с соседними кантонами, Фрейбургом и Берном, которые действительно обещают им свою помощь против Савойи. Но вместе с этим они открывают доступ в Женеву реформации.

При своих обширных сношениях с соседними странами Женева, конечно, не могла оставаться в неизвестности относительно происходившего в них религиозного движения. Тем не менее, реформация вряд ли могла бы рассчитывать здесь на серьезный успех. Несмотря на то, что духовенство и здесь часто вызывало осуждение благодаря своему недостойному образу жизни, в Женеве все-таки не было того враждебного отношения, той оппозиции против духовенства, которая в такой степени обуславливала успехи реформации в Германии. Город был безусловно предан католичеству, и даже измена последних епископов, поставленных Римом, не могла изгладить из памяти граждан тех услуг, которые были оказаны городу их предшественниками. К тому же новый епископ, поставленный в 1523 году, был предан интересам скорее граждан, чем Савойи. Гораздо больше значения имел в этом отношении союз с Берном.

В начале этой борьбы Берн, несмотря на обещание помощи, относился довольно холодно к критическому положению своего союзника. Партия патриотов терпела поражения, мужественный Бертелье был захвачен герцогом и казнен, Боннивар томился в заключении в Шильонском замке^[3], другие вожаки находились в изгнании, а обещанная помощь все не приходила. Но с 1526 года в политике этого двусмысленного союзника намечается крутая перемена. В 1526 году протестанты одерживают в Берне верх над католиками, и с тех пор этот кантон решительно выступает в защиту Женевы. Уже и раньше бернские граждане стали появляться в Женеве, проповедуя новое учение, обличая пороки духовенства и находя сочувствие преимущественно в среде людей мало религиозных, желавших сбросить с себя узы церковных предписаний или ненавидевших духовенство и его главу, епископа. Совет, хотя и не сочувствовал этому движению, но, дорожа дружбой Берна, смотрел сквозь пальцы на такие проповеди. Таким образом, в этом недавно еще столь преданном католичеству городе появилась партия, не столько реформационная, сколько антиклерикальная. Вряд ли, однако, оппозиция церкви зашла бы далеко, если бы не политика Савойского двора.

Для Карла III это движение показалось лишь удобным средством,

чтобы придать больше законности своим посягательствам на свободу города. В своих донесениях императору и папе он не замедлил представить дело так, будто весь город склонен впасть в ересь, а сам он является лишь защитником интересов католицизма. Это обстоятельство решило дело. Приписав церковной оппозиции характер борьбы за независимость, он тем самым усилил ее популярность в народе. Теперь приверженцы новых идей стали выставлять себя единственными искренними защитниками Женевы и, под прикрытием патриотизма, продолжали свою религиозную агитацию. На духовенство и монахов стали смотреть подозрительно, как на врагов свободы и приверженцев Савойи. Совет также стал относиться к духовенству менее почтительно, задерживал выдачу десятины и, в ответ на заступничество католического Фрейбурга, предложил ему убедить соборный капитул и остальное духовенство “употреблять свои доходы более достойным образом, иначе ему придется отдать десятину бедным в госпиталь”.

Еще быстрее пошло дело реформации с 1530 года, когда в Женеве появилось бернское войско, посланное для защиты города от герцога и состоявшее по большей части из лютеран. Вид многочисленных католических святынь разжег религиозный фанатизм последних. Они устремились в церкви и монастыри, производя в них полнейший разгром, разбивали статуи, кресты, оскверняли церковную утварь. В соборе Св. Петра появился евангелический проповедник. Казалось, католицизму был нанесен смертельный удар.

Впрочем, эти беспорядки продолжались недолго. С уходом войска монахи вернулись в свои монастыри, духовенство снова вступило в исполнение своих обязанностей. Но авторитет его был подорван окончательно. Реформационная партия стала еще смелее, даже в городской школе стали распространяться евангелические идеи. Когда понадобилось заплатить союзникам военные издержки, совет наложил контрибуцию и на духовенство; дошло даже до того, что совет нашел, что в городе слишком много храмов, и некоторые из них были обращены в городские укрепления.

События в Женеве не замедлили обратить на себя внимание соседних евангелических стран. Со всех сторон сюда устремляются проповедники нового учения. Наконец осенью 1532 года в Женеве появляется Фарель.

Жизнь Фареля так тесно связана с жизнью Кальвина, что нам придется сказать несколько слов об этой замечательной личности, игравшей такую важную роль в судьбах Женевы и ее реформатора.

Родился он в 1489 году, в Гале (Дофине) у благородных родителей. Двадцати девяти лет от роду Гильом Фарель отправляется в Париж

доканчивать свое образование. Здесь он знакомится с некоторыми приверженцами новых идей, и под их влиянием Фарель, бывший до этого времени, по собственному выражению, “более папистом, чем сам папа”, проникается самой ожесточенной враждой ко всему католическому. Из Парижа он отправляется в Южную Францию, чтобы пропагандировать новое учение; но его бурная проповедь, исполненная ненависти к католицизму, не имеет здесь успеха. Спасаясь от преследований, он появляется в Швейцарии и, переходя с места на место, продолжает свою религиозную пропаганду. Но излишняя страстность и здесь часто вредит его успеху. Он смело нападает на религиозные процессии, проникает в храмы и, столкнув ошеломленного священника, занимает его место и начинает проповедовать против “римского антихриста”. Часто католики нападают на него, осыпают ругательствами и побоями, не раз и сама жизнь его подвергается опасности, но эти неудачи нисколько не охлаждают его пыла. Покрытый ранами, он снова устремляется в борьбу, и эти неукротимые смелость и настойчивость в конце концов обеспечивают ему успех. Скоро Берн берет его под свое покровительство, и с тех пор реформация, в лице Фареля, делает большие успехи во французских кантонах Швейцарии. Невшатель берется им почти с боя, и с 1530 года здесь окончательно водворяется реформация.

Этот пламенный проповедник нового учения, гроза католического духовенства, давно уже стал следить за движением в Женеве. По своему положению она представлялась самым удобным центром для религиозной пропаганды в романских землях. Необходимо было во что бы то ни стало приобрести этот город для реформации. Положение дел казалось благоприятным. И вот в октябре 1532 года Фарель появляется в Женеве.

Было бы слишком долго рассказывать все различные фазисы, через которые проходила религиозная пропаганда в Женеве. Успехи Фареля вначале были ничтожны. Его появление вызвало большое волнение в среде еще сильной католической партии, которой удалось добиться его изгнания. Тем не менее, Фарель и не думал отказываться от однажды намеченной цели. Он послал в Женеву своих учеников, которые стали вести дело с большей осторожностью. Но католическая партия была уже настороже. Совет наконец понял, что дал слишком разрастись протестантской партии, а это вовсе не входило в его расчеты. Против нового учения началась бы сильная реакция, если бы в защиту его не выступил Берн. Последний прямо поставил условием своего союза беспрепятственное допущение евангелических проповедников. Фарель вернулся назад и стал еще с большей резкостью громить католичество. К этому присоединилось

бестактное поведение женеvского епископа, который при виде угрожающей опасности заключил союз с Карлом III и открыто объявил войну своему родному городу. Французский король также вздумал воспользоваться смутами в городе и стал навязывать ему свое опасное покровительство. При таких обстоятельствах помощь Берна была более чем необходима, и для спасения независимости города совет решается окончательно пожертвовать католицизмом.

Старания Фареля, таким образом, увенчались успехом. Католичество было изгнано окончательно; с Берном, войска которого одержали блестящую победу над врагами Женевы, заключен в 1536 году “вечный мир”, по которому Женева признана независимой, но обязуется не заключать союзов с другими державами, не искать чужой помощи без согласия Берна, уплатить последнему большие суммы за военные издержки, открыть свободный доступ всем бернским гражданам; при этом самым прочным ручательством в сохранении мира должно служить полное единомыслие в делах веры.

Таким образом, после тридцатилетней борьбы Женева окончательно добилась независимости. Вместе с этим с 1535 года протестантизм признан господствующей религией. Католическое богослужение уничтожено: священники, монахи изгнаны, во всех церквях раздается евангелическая проповедь.

Однако, несмотря на победу над внешними врагами, состояние города было довольно плачевное. Долговременная борьба совершенно подорвала благосостояние жителей; торговля и промышленность находились в упадке. Большая часть богатых и наиболее деятельных семейств была в изгнании; среди оставшихся господствовали раздоры. Хуже всего было то, что в городе не нашлось ни одной выдающейся личности, которая сумела бы внушить к себе доверие и восстановить порядок. Боннивар, освобожденный из своего заточения победоносным бернским войском, отличался двусмысленною нравственностью. Другие предводители партии независимости также не внушали доверия, заботясь более всего о своем личном обогащении за счет конфискованных частных и церковных имений. В массе народа господствовало сильное недовольство.

В еще более плачевном состоянии находилась церковь. Новая религия, принятие которой было в значительной степени вынуждено политическими соображениями, еще не успела, конечно, пустить глубоких корней в народе. В сущности, успех реформации был чисто внешним. Все атрибуты католицизма были тщательно истреблены, но на месте этого разрушенного старого здания необходимо было возвести прочное новое – требовалось

ввести порядок в богослужении, установить ясную формулу веры для народа, еще недостаточно знакомого с новым учением и толковавшего Евангелие вкривь и вкось. Проповедники же по большей части продолжали по-прежнему громить преступления “римского антихриста” – дальше этого дело религиозного и нравственного перерождения общества не шло. А между тем потребность в твердой организующей руке чувствовалась в церкви не менее настоятельно, чем в государстве. Проповедники сами разнуздали народные страсти, чтобы достигнуть победы над католичеством. Все эти акты насилия, которыми сопровождалась евангелическая проповедь, ежедневно повторявшиеся сцены иконоборства и кощунства над предметами, которые в течение столетий почитались как святыни, – все это не могло не действовать на массу крайне деморализующим образом. Часто Евангелие служило лишь лозунгом, под прикрытием которого творились самые безобразные вещи. Новые проповедники также не могли служить образцами нравственной чистоты. По большей части это были прежние монахи, которые спешили пользоваться своею свободой и вместо примера служили только соблазном для народа. В числе этих эмигрантов, которым Женева гостеприимно открыла свои ворота, часто оказывались искатели приключений, беглые монахи, обокравшие свои монастыри, преступники, скрывавшиеся от правосудия.

И для борьбы со всем этим накопившимся злом в Женеве был один Фарель.

Глава V. Кальвин в Женеве

Кальвин попадает в Женеву и остается. – Характеристика обоих реформаторов. – Вире. – Первые успехи Кальвина: катехизис, исповедание веры. – Его усиливающееся влияние и чрезмерная требовательность. – Диспут с анабаптистами и Кароли. – Борьба с оппозицией и “бернские обычаи”. – Кальвин изгоняется. – Попытки добиться возвращения. – Уныние Кальвина; его отъезд в Страсбург

Среди этой-то неурядицы, в июле 1536 года, в одной из гостиниц Женевы остановился приезжий – молодой человек лет двадцати семи, высокий, худой, с бледным, аскетически изможденным лицом, бородкой клином и черными блестящими глазами. Он рассчитывал пробыть в городе только одну ночь и на следующее утро отправиться в Базель. Но случилось иначе.

Приезжий молодой человек был Кальвин. Случайно он наткнулся в Женеве на своего прежнего спутника – Тиллье, который, в восторге от этой встречи, не замедлил по секрету сообщить своим знакомым о приезде знаменитого автора “Христианской институции”. Таким образом весть о прибытии Кальвина дошла и до Фареля.

Положение этого “завоевателя Женевы” становилось все более затруднительным. Со свойственной ему страстной решительностью он вначале принялся было за водворение порядка в церкви. Он настаивал на исправном посещении проповеди, на проведении строгой нравственной дисциплины, старался поднять школьное образование, пришедшее в упадок в смутную эпоху борьбы. Но результаты всех этих усилий оказались ничтожными. Строгие меры вызвали громкий ропот. Совет, стремившийся, по образцу Берна, подчинить церковь государству, относился подозрительно к требовательному проповеднику. Особенно сильное неудовольствие вызвало требование Фареля об отлучении от церкви всех тех, кто не хотел подчиниться введенной им строгой нравственной дисциплине. Он начинал понимать всю шаткость своего положения среди населения, в котором еще не исчезли прежние католические симпатии. У него не было энергичных помощников, на которых он мог бы опереться; да и сам он, при всем своем красноречии, более способен был разрушать старое, чем созидать новое. Это был народный оратор, увлекавший за собою толпу огнем своих речей, но ему недоставало организаторского таланта, с помощью которого он мог бы

придать своему делу устойчивость. Мужество начинало покидать его; он чувствовал, что дело, столь блистательно начатое, может погибнуть. Он обращается к отдаленным друзьям и единомышленникам, просит у них совета, помощи...

Легко понять, с каким восторгом он вдруг узнает о приезде знаменитого ученого. Нет сомнения, сам Господь послал ему желанного помощника. Немедленно отправляется он по указанному адресу и настоятельно просит Кальвина остаться в Женеве и посвятить себя делу организации церкви. Но для Кальвина в этом предложении не было ничего заманчивого. Он жаждал покоя, а ему предлагают снова кинуться в бурный водоворот страстей. Он стал ссылаться на свою молодость, неопытность, на врожденную робость, на необходимость продолжать свои научные занятия. Однако Фарель не принимает никаких возражений. Он настаивает все сильнее и сильнее и, наконец, выведенный из себя упорством своего собеседника, восклицает вдохновенным тоном: “А, ты выставляешь предлогом свои занятия, но именем всемогущего Бога я объявляю тебе: божественное проклятие постигнет тебя, если ты откажешь нам в своем содействии и будешь заботиться больше о себе, чем о Христе”.

Это грозное воззвание решило дело. Кальвину показалось, что устами этого вдохновенного проповедника говорит само Божество. Испуганный, потрясенный, он решается последовать внушению Фареля. Он только просит позволения отправиться на короткое время в Базель, чтобы привести в порядок свои дела. И действительно, в конце августа он снова возвращается в Женеву, чтобы наряду с Фарелем работать над упрочением в ней реформации.

Трудно представить себе людей, более не похожих друг на друга, чем эти два реформатора Женевы. Один – пылкий, экзальтированный, с бурным красноречием, смело и бесстрашно устремляющийся туда, где грозит наибольшая опасность, тип народного оратора, демагога, который может действовать только на массы. Другой – спокойный, рассудительный, кабинетный ученый, оратор, который не столько увлекает своих слушателей, сколько их убеждает, организаторский талант, всюду стремящийся внести порядок и систему. От природы робкий, чуждающийся света, он обладает, однако, мужеством, внушаемым сознанием долга, и, раз убедившись в необходимости того или другого шага, не отступит уже ни перед какой опасностью. Середину между ними занимал Вире, один из наиболее деятельных сподвижников Фареля при введении реформации в Женеве. Это был также замечательный оратор, но в его красноречии не было той бурной страстности, которой отличались проповеди Фареля.

Своею мягкой гармонической речью он очаровывал слушателей, успокаивал страсти, погружая души в какой-то мистический экстаз.

Между этими тремя людьми, так прекрасно дополнявшими друг друга, завязывается теперь самая тесная дружба, которая остается неизменной в течение всей их жизни. Впоследствии, разлученный со своими друзьями, Кальвин поддерживает с ними самую оживленную переписку, сообщает им обо всем, что происходит в Женеве, часто спрашивает их совета, зовет на помощь. Кальвин в особенности уважал Фареля за то бескорыстие, с которым он уступил ему свое место духовного главы Женевы, руководствуясь только благом этого города.

Впрочем, первые дебюты Кальвина в Женеве были очень скромны. Он даже отказывается взять на себя какую-нибудь официальную должность и ограничивается чтением лекций в соборе Св. Петра о некоторых книгах Нового завета. Он издает в это время несколько небольших сочинений, направленных против католичества, работает над французским переводом своей “Институции” и сильно озабочен преследованиями протестантов на родине. В самой Женеве прибытие и первоначальная деятельность “этого француза”, как он назван в протоколах совета, обращает на себя мало внимания. Даже на религиозном диспуте в Лозанне, куда он сопровождал Фареля, Кальвин не играет почти никакой роли. Громы Фареля и увлекательное красноречие Вире совершенно заглушают тихий, убедительный голос молодого ученого.

Но “этот француз” недолго остается в тени. Беспорядок в женевской церкви не мог не поразить его. “Когда я впервые увидел эту церковь, – писал он впоследствии, – она представляла собой нечто бесформенное. Проповедовали – и это было все. Разыскивали идолов и сжигали их – и в этом заключалась вся реформация. Всюду господствовал хаос”.

В этот хаос Кальвин решает внести порядок. Его чтения имеют успех. Совет назначает его проповедником и определяет ему жалованье. Фарель все сильнее проникается уважением к его уму и учености. Несмотря на то, что последний еще долго был в глазах всех главным руководителем женевской церкви, он, в сущности, очень скоро подпадает под влияние Кальвина, который уже с конца 1536 года становится душой всех последующих событий.

Одной из первых забот Кальвина было составление катехизиса, где в общедоступной форме излагались основные начала нового учения. Этот катехизис, представлявший в сущности краткий конспект из “Христианской институции”, должен был быть распространен в народе и служить руководством для школьного преподавания. С тою же целью он составляет

евангелическое исповедание в 21 тезис. Но этих мер, конечно, было недостаточно. Необходимо было позаботиться о том, чтобы народ не только усвоил себе истины нового учения, но и выполнял все его предписания. Поэтому, представляя совету новую формулу веры, оба проповедника настаивали на том, чтобы все граждане принесли присягу в ее соблюдении. В подробной объяснительной записке реформаторы развивали проект будущей организации женевской церкви. Особенно сильно они настаивали на введении церковного отлучения как самого действенного средства для поддержания строгого порядка и дисциплины в церкви. Чтобы не осквернить таинства причащения допуском к нему недостойных (частое совершение этого таинства в особенности рекомендуется проповедниками), совет должен избрать из среды граждан людей богобоязненных, безупречной нравственности и поручить им надзор за различными частями города. В этих вверенных им частях они должны следить за нравственностью граждан, делать им внушения, а на непокорных указывать духовенству, которое, в случае тщетности своих увещаний, имеет право отлучать их от общения с верующими. Если же и это средство не приведет к исправлению виновного, то последний должен быть передан для наказания гражданским властям.

Несмотря на значительность этих требований, совет отнесся к ним очень сочувственно. В 1537 году совет как раз состоял из лиц, горячо преданных делу реформы. К тому же и роль, которую новые правила отводили светским властям в делах церкви, должна была льстить их честолюбию. Поэтому, несмотря на сопротивление некоторых членов, большой совет издал 16 января 1537 года целый ряд постановлений, составленных совершенно в духе пояснительной записки Кальвина. Правда, предложение церковного отлучения было пока обойдено молчанием, зато в деле преследования остатков католицизма и преступлений против нравственности строгость изданных постановлений должна была совершенно удовлетворить проповедников. Новый катехизис был принят единогласно, и граждане стали приводиться к присяге формуле веры.

Таким образом, первые попытки проповедников в деле организации церкви увенчались блестящим успехом. Совет продолжает с редкою предупредительностью исполнять их требования – и скоро молодой французский проповедник, скрывавшийся первое время за авторитетом Фареля, все более и более выступает на первый план. Поддерживаемый некоторыми французскими эмигрантами, искавшими убежища в Женеве и горячо преданными делу реформации, Кальвин обнаруживает неутомимую

деятельность. Многочисленные проповеди, религиозное обучение детей и взрослых, строгий надзор за нравственностью жителей быстро подвигают дело реформации. Часто проповедники являются в залу заседаний совета, произносят длинные, увещательные речи, и совет под их влиянием все более усиливает свои строгости. В протоколах совета мы находим целый ряд самых строгих взысканий за сравнительно незначительные проступки. Так, например, азартный игрок выставляется у позорного столба с картами, привязанными к шее. Молодая женщина, явившаяся в церковь с завитыми по-модному волосами, присуждается к тюремному заключению на несколько дней, а вместе с ней и парикмахерша, убиравшая ее голову. Запрещается всякая роскошь в костюмах, шумные публичные увеселения, танцы, употребление непристойных выражений, божба и т.п. Мало-помалу город терял свой обычный вид, вместо прежней шумной веселости в нем водворялась почти монастырская тишина. В деле наказаний закон не делал почти никаких исключений – богатые и бедные одинаково должны были ему подчиняться. Это обстоятельство первое время даже доставляло проповедникам известную популярность в простом народе. Особенной беспощадностью они отличались в преследовании остатков католического культа. Всякий, кто сохранял у себя дома какую-нибудь икону, четки или другую принадлежность старого культа, считался богоотступником и подвергался жестоким наказаниям.

Но в конце концов эта чрезмерная строгость только повредила делу. Мало-помалу народ стал тяготиться суровым деспотизмом своих духовных пастырей. Уже в 1537 году на женевском горизонте показались первые предвестники собирающейся бури.

В марте 1537 года в Женеве появились два проповедника-анабаптиста. Благодаря мистическому характеру своего учения, соединенному со строгой нравственной жизнью, сектанты эти всюду имели успех – в Женеве вокруг них стали также собираться многочисленные слушатели. Фарель решился вступить с ними в открытое состязание. Диспут продолжался несколько дней, но совет, замечая впечатление, которое речи анабаптистов производили на слушателей, поспешил прекратить его и под страхом смертной казни приказал им оставить город. Тем не менее, впечатление этот случай произвел сильное, и еще несколько месяцев спустя Фарель и Кальвин жаловались совету на то, что в городе немало тайных приверженцев этого опасного учения.

Еще сильнее авторитет Кальвина был поколеблен вследствие нападения другого, евангелического же проповедника Кароли, который обвинил его в арианизме, то есть в непризнании Св. Троицы. Обвинение

это страшно потрясло Кальвина – он не допускал даже мысли, что его могут заподозрить в ереси. Он потребовал созвания синода и с необыкновенной страстностью напал на своего противника, уличил его самого в безнравственности и безверии, затем решительно опроверг обвинение. И синод в Лозанне, и бернский совет выдали ему формальное удостоверение его правоверности. Тем не менее, Кальвин еще долго не мог успокоиться, считая оскорблением даже само возбуждение вопроса о чистоте своего учения.

Но все эти неприятности были только прелюдией к той серьезной борьбе, которая скоро завязалась между проповедниками и самим народом.

Несмотря на первые успехи организаторской деятельности Кальвина, на предупредительность, с которой совет принимал и приводил в исполнение его требования, в среде населения новые меры встречали большое неудовольствие. Женевские патриоты чувствовали себя оскорбленными повелительным тоном “иностранцев” и тем предпочтением, которое они оказывали во всем своим соотечественникам. Скоро оказалось, что первые успехи проповедников вовсе не были так значительны: многие граждане отказались присягнуть новой формуле веры. Эта присяга, столь несогласная с принципом свободы совести, казалась многим женевам, еще накануне проливавшим свою кровь за свободу, началом нового порабощения. Побуждаемый проповедниками, совет повторяет свое требование присяги под страхом изгнания, но и эта угроза остается без последствий, и когда наконец 12 ноября совет постановляет изгнать всех непокорных, то этих непокорных оказывается так много, что угроза так и остается угрозой.

Но Кальвин и Фарель и не думают обращать внимания на эти красноречивые признаки усиливающейся оппозиции. Успехи первой поры вскружили им голову. Они уверены, что при настойчивости добьются в конце концов своей цели, продолжают по-прежнему требовать поголовной присяги и введения церковного отлучения. В горячих проповедях они осыпают своих противников самой неумеренной бранью. Особенной страстностью отличался один из проповедников, Коро, который однажды с кафедры осыпал своих слушателей такими неприличными ругательствами, что совет, уступая народному негодованию, должен был подвергнуть его тюремному заключению. Разрыв становился, таким образом, все глубже. Недовольные собирались в кабаках, ругая проповедников и их приверженцев, обвиняя их в тирании; носились даже слухи об их изменнических сношениях с французским королем. Часто, сидя в своей рабочей комнате, Кальвин слышал с улицы грозные народные клики: “В

Рону проповедников!” Только благодаря заступничеству совета последние продолжали еще держаться некоторое время. Но тут подвернулось одно обстоятельство, которым оппозиционная партия не замедлила воспользоваться. Это был вопрос о “бернских обычаях”.

Бернская церковь при введении реформации сохранила у себя несколько менее важных католических обрядов – например, обычай употреблять для причастия пресный хлеб, камни для крещения, четыре главных католических праздника и т. п., между тем как женевские теологи, более радикальные, не хотели сохранять никаких остатков прежнего культа и, кроме воскресений, не признавали никаких праздников. Тем не менее Берн, основываясь на условиях договора, настаивал на установлении полного единообразия в богослужении. Вот этим-то обстоятельством и решили воспользоваться противники Кальвина. Они знали, что непреклонный француз не уступит ни шага, и поэтому выставили своим лозунгом принятие бернских обычаев. Между тем наступили (3 февраля 1538 года) выборы нового совета. Кальвин и Фарель употребляли все усилия, чтоб удержать власть за своими приверженцами. Но оппозиция была сильнее. В новом составе совета оказалось много членов, враждебных проповедникам, и, таким образом, последние лишились своей единственной опоры.

Положение вещей в Женеве возбуждало тревогу во всех евангелических кружках. Только немногие одобряли поведение проповедников. Большинство друзей и единомышленников убеждало их быть уступчивее и снисходительнее. Но последние и не думали следовать этим советам. Они считали изменой делу уменьшить свои требования ввиду неблагоприятно сложившихся обстоятельств и решились лучше пасть, чем уступить. Скоро дело дошло до окончательной развязки.

На Пасхе предстояло торжественное всеобщее причащение, и проповедникам было предписано причащать по бернскому обычаю. Те отказались. Тогда совет, выведенный из терпения их сопротивлением и нападками Кальвина, который публично обозвал его “коллегией дьявола”, запретил им проповедовать впредь.

В первый день Пасхи громадные толпы народа устремились в церкви, в которых обыкновенно проповедовали Кальвин и Фарель. Многие из собравшихся имели при себе оружие. Уже накануне разнесся слух, что проповедники не послушаются приказа совета. И действительно, в обычный час Фарель взшел на кафедру. В резкой обличительной речи он выставляет собравшимся на вид всю возмутительность их поведения и заканчивает решительным отказом раздавать им причастие как

недостойным. Подобное же заявление, сделанное Кальвином, доводит негодование толпы до последних пределов. Только с трудом друзьям проповедников удастся спасти их от народной ярости. На этот раз совет окончательно отступает от них. Синдики созывают генеральное собрание, которое почти единогласно требует их изгнания в трехдневный срок.

Кальвин и Фарель приняли известие о своем поражении с внешним спокойствием. “Если б мы служили людям, – заметил при этом Кальвин, – то были бы плохо вознаграждены, но мы служили Богу, и награда от нас не уйдет”. По словам Кальвина, он даже обрадовался этому известию.

Вряд ли, однако, эта радость была искренней. Ликующее настроение народа, праздновавшего падение “тиранов”, насмешки, которыми они осыпались, не могли не наносить чувствительных ран их самолюбию. К тому же они вскоре осмыслили все значение случившегося. Это позорное изгнание населением, которое вначале относилось к ним с таким уважением, могло не только пролить невыгодный свет на всю их деятельность в глазах остального мира, – можно было опасаться и того, что оно уничтожит все плоды их деятельности и даже совершенно оторвет Женеву от реформации.

И действительно, не успели проповедники оставить Женеву, как уже употребляют все усилия, чтоб добиться отмены приговора, и с этой целью немедленно отправляются хлопотать в Берн.

Несмотря на ту роль, которую бернцы играли в женевском перевороте, известие об одержанной победе было принято ими далеко не с радостью. В Берне стали опасаться, чтобы католическая партия, насчитывавшая в народе много тайных приверженцев, не взяла верх при новом порядке вещей. Поэтому изгнанные проповедники были приняты довольно милостиво. Последним удалось убедить совет, что они вовсе не отказывались раздавать причастие по бернскому обычаю, а лишь не соглашались профанировать таинство допущением к нему недостойных. Они горько жаловались, что сделались жертвой давно подготовляемой интриги, и добились того, что бернский совет отправил в Женеву в их пользу очень убедительное послание. Но это послание не произвело никакого впечатления. Женевцы ответили, что проповедники представили дело в ложном свете, и отменять приговора они не намерены.

Но и эта неудача не смутила проповедников. В Цюрихе в это время заседал Швейцарский синод. Они немедленно отправляются туда и в ярких красках рисуют опасность, которая грозит Евангелию в Женеве. Они готовы согласиться, что бывали иногда слишком строги, и при этом

предлагают синоду 14 статей, под условием принятия которых они согласны вернуться к прежней деятельности. Требования эти были еще очень значительны и вряд ли были бы приняты в какой-нибудь другой швейцарской церкви. Синод отказался передать их женецам и даже посоветовал выказывать вперед “больше христианской кротости”, но согласился написать в их пользу женецкой общине. Кроме того, решено было снова поручить Берну хлопотать об их возвращении.

Тогда Кальвин и Фарель снова возвращаются в Берн. Но на этот раз их ожидал прием далеко не дружелюбный. Выяснилось, что сообщения изгнанных проповедников были преувеличены, что реформации в Женеве не грозит никакой опасности. Кальвин никогда не мог забыть тех унижений, которые ему пришлось претерпеть в то время. Целых восемь дней им пришлось дожидаться, пока согласились их выслушать. Наконец, после всяческих унижений, уступок, обещаний придерживаться вперед всех бернских “обычаев”, оба проповедника добились у совета, чтобы вместе с ними было отправлено в Женеву посольство хлопотать об отмене приговора от 23 апреля.

Жан Кальвин. С гравюры неизвестного автора

Но и эта попытка окончилась неудачей. Весть об их возвращении вызвала в Женеве настоящий взрыв народной ярости. Еще за милю от города бернское посольство было встречено уполномоченными совета, которые, на основании приговора об изгнании, строго-настрого запретили проповедникам вступать в город. Таким образом, они, скрепя сердце, принуждены были положиться на одно ходатайство бернских уполномоченных. 26 мая, по настоянию последних, было созвано народное

собрание. Уполномоченные говорили в пользу изгнанных с таким жаром, что многие были потрясены. Казалось, победа склонялась уже на их сторону. Но тут поднялся один из синдиков и начал читать известные уже 14 статей, в которых обвиняемые ставили свои условия обвинителям. После этого дело проповедников было окончательно проиграно. Среди гневных восклицаний и угроз отсутствующим почти единогласно постановлено было оставить приговор в полной силе.

Впечатление, произведенное этой последней неудачей на обоих проповедников, было потрясающим. Вернувшись в Берн, они, несмотря на все уговоры друзей, спешат поскорее уехать из этого города, где испытали столько унижений, и, не простившись с советом, отправляются в Базель. Казалось, сами стихии вооружились против них. Разлившиеся горные потоки преграждали им дорогу и даже чуть не потопили одного из них. “Но волны были более милосердны, чем люди”, – писали они Вире об этом приключении. Наконец, измученные всеми перенесенными тревогами, они прибыли в Базель. Даже здесь общественное мнение было вначале против них. Друзья Кальвина громко осуждали его за неуступчивость. Луи Тиллье видел в женевских событиях перст Божий. “Подумай, – писал он в это время Кальвину, – не выказал ли этим Господь своего порицания твоему образу действий, не захотел ли Он смирить тебя”...

Мало-помалу, однако, первые тягостные впечатления стали сглаживаться. Кальвин первым оправился от овладевшего им глубокого уныния. Он утешал себя мыслью, что случившееся – дело Провидения, и твердо верил, что его роль в Женеве еще не кончилась, что наступит день, когда он будет торжествовать над своими противниками.

Материальное положение изгнанников также скоро улучшилось. Фарель был приглашен проповедником в Невшатель, а Кальвин, по приглашению Бусера, отправился в Страсбург.

Глава VI. Жизнь в Страсбурге и возвращение в Женеву

Женитьба Кальвина и его материальное положение. – Сношения с немецкими теологами. – Вормс и Регенсбург. – Послание Садоleta и ответ Кальвина. – Женева снова приглашает к себе Кальвина

Французские эмигранты называли Страсбург “новым Иерусалимом”. Действительно, после Виттенберга вряд ли какой-нибудь другой город принимал такое живое участие в религиозном движении того времени. Здесь можно было встретить представителей всех религиозных течений. Лютеране, цвинглианцы, анабаптисты, последователи Эколампадия и других второстепенных германских реформаторов – все они пользовались почти неограниченной свободой проповеди. Таким образом, в этом городе, в котором, так же как и в Женеве, германский мир приходил в близкое соприкосновение с романским, совершался непрерывный обмен идей, и тому, кто захотел бы следить за движением религиозной мысли, проникнуть в смысл происходившей вокруг него великой борьбы, трудно было бы отыскать более удобный пункт для наблюдений.

Но Кальвин так же мало думал тогда о преимуществах новой открывающейся ему арены деятельности, как и при своем первом появлении в Женеве. Бусеру стоило больших усилий уговорить его приехать в Страсбург. Неудачи в Женеве оставили неизгладимый след в сердце изгнанного проповедника. Им снова овладело глубокое отвращение к общественной деятельности, он не хотел больше борьбы, жаждал покоя и на все приглашения Бусера отвечал вначале упорным отказом. К тому же он не хотел расставаться со своим другом и товарищем по несчастью, Фарелем. Но когда последний получил приглашение в Невшатель и сам стал уговаривать его принять предложение Бусера, Кальвин наконец сдался.

Впрочем, опасения его оказались напрасными. Принятый весьма радушно местными теологами и многими уважаемыми гражданами, он скоро совершенно освоился со своим новым положением. Его назначили лектором при академии и проповедником при французской церкви Св. Николая. Городской магистрат совершенно не вмешивался в дела французской общины и предоставил проповеднику полную свободу действий. Здесь, среди эмигрантов, пострадавших за свою преданность

новому учению, ему, конечно, не предстояло иметь дело с такими враждебными партиями, как в Женеве. Он имел поэтому полную возможность осуществить на новом месте тот идеал церковной и нравственной дисциплины, к которому стремился в Женеве. И действительно, результаты, достигнутые им в этом отношении, были громадными. Уже в первые недели после своего назначения ему удалось ввести ежемесячное причастие и церковное отлучение всех недостойных. Всякий желавший быть допущенным к причастию должен был раньше подвергнуть себя испытанию своего духовного пастыря и обещать исправиться; не исполнявшие это требование исключались из общения с верующими. Правда, и здесь, несмотря на отсутствие противодействия со стороны светских властей, новые меры вызывали вначале сильное неудовольствие, но Кальвин оставался непреклонным и настоял на своем. Благодаря его энергии община французских эмигрантов получила такую образцовую организацию, которая приводила в изумление немецких пасторов.

Таким же успехом сопровождалась деятельность Кальвина как лектора. Так же, как в Женеве, он комментировал своим слушателям послания апостола Павла, принимал участие в публичных диспутах и все увеличивал число приверженцев своего учения. Ему даже удалось обратить многих анабаптистов. Совет относился к нему с величайшим уважением, часто спрашивал его мнение в важных делах. Лекции Кальвина привлекали массы слушателей из разных концов Франции; его приезжали слушать даже из Англии.

В Страсбурге же Кальвин снова вернулся к своим литературным занятиям, на которые ему не хватало досуга в Женеве. Уже летом 1539 года было готово к печати второе издание “Христианской институции”, представляющее самую значительную из всех переработок этого сочинения. В том же году он издал свое толкование “Послания к римлянам”, одно из лучших экзегетических произведений реформатора. Наконец к этому же времени относится и его “Небольшой трактат о св. причастии”, предназначенный для обыкновенной читающей публики и потому написанный по-французски.

Кальвин, очевидно, решил поселиться в Страсбурге надолго. Еще летом 1539 года он принял страсбургское гражданство, записавшись для этого в цех портных. В то же время он стал серьезно подумывать о том, чтобы основать собственный семейный очаг, и просил друзей помочь ему в поисках подруги жизни. В письме к Фарелю Кальвин высказывает свой взгляд на те достоинства, которыми должна отличаться его будущая жена.

“Я не принадлежу, как ты знаешь, к числу тех людей, которые гонятся лишь за внешней красотой и поклоняются даже недостаткам любимой женщины. Мне может понравиться только женщина кроткая, скромная, терпеливая, хорошая хозяйка, заботящаяся о здоровье своего мужа”.

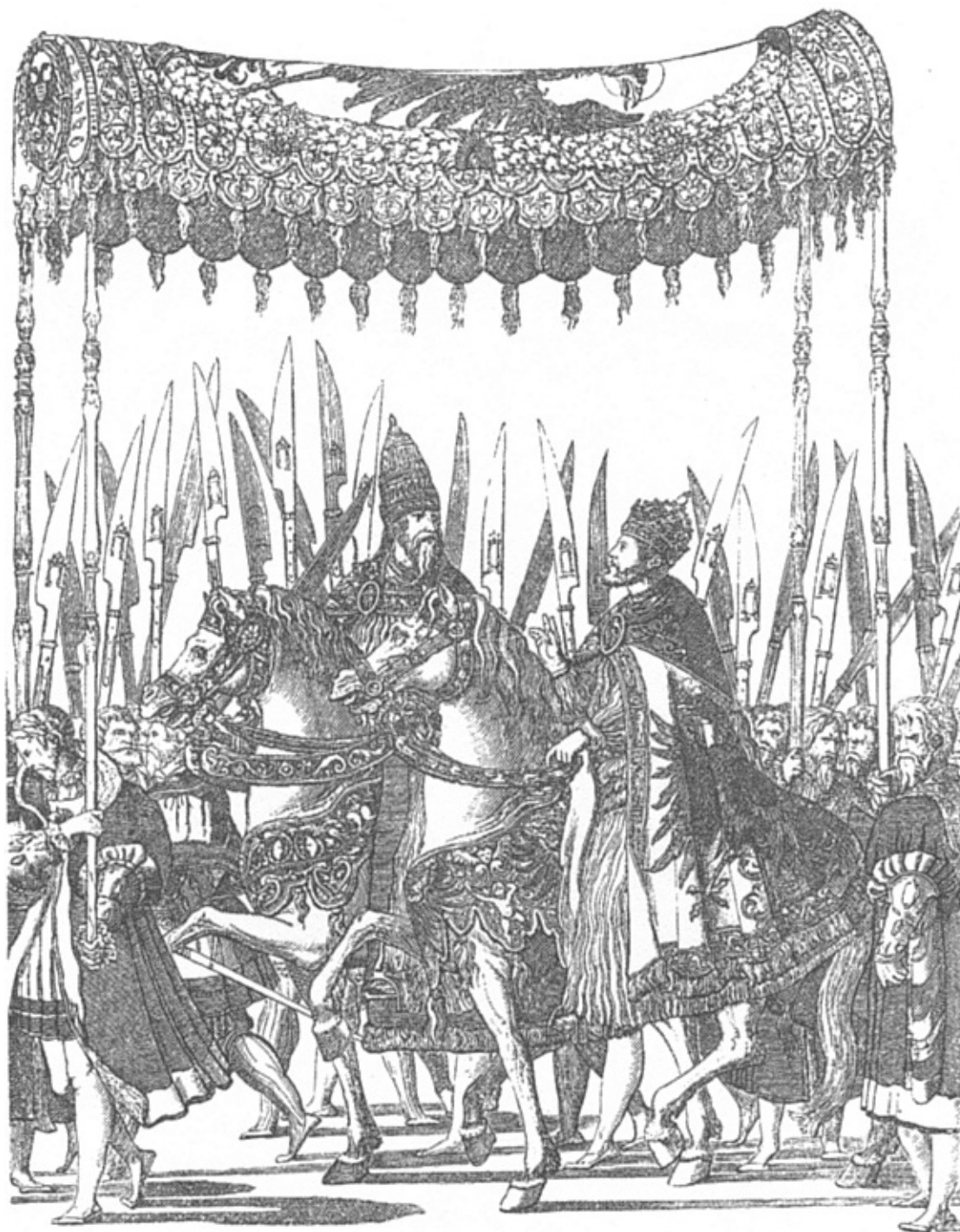
Кальвин не скоро нашел подходящую подругу жизни. Брат одной девушки из благородного семейства и с хорошим приданым, горячий поклонник Кальвина, очень хлопотал о его союзе с сестрой, но последний опасался, чтобы богатая девушка не была слишком притязательна, и, не желая обижать брата отказом, поставил условием, чтобы невеста предварительно научилась французскому языку. Девушка обиделась, и Кальвин был спасен. Другое сватовство также почему-то расстроилось, и Кальвин, уже назначивший было день свадьбы, готов был совершенно отказаться от своего намерения жениться. “Я еще не нашел, – пишет Кальвин Фарелю, – не разумнее ли было бы совершенно отказаться от поисков”. Наконец поиски увенчались успехом. В лице Иделетты Штордер, вдовы одного обращенного им анабаптиста, он нашел женщину, вполне соответствовавшую его идеалу. Она была бедна и вместо приданого принесла мужу своих трех детей от первого брака. В сентябре 1540 года свадьба была отпразднована с большой торжественностью.

Брак Кальвина был очень счастлив. Со свойственной ему сдержанностью, почти граничащей с полным безразличием ко всему, что не имело отношения к его деятельности, он очень редко и мимоходом упоминает о жене при ее жизни. Но те немногие строки, проникнутые искренним горем, которые он посвятил ей после ее смерти, служат лучшим свидетельством в пользу этой тихой, кроткой женщины, которая совершенно стушеввалась перед личностью своего мужа, ни в чем его не стесняла и была его преданной подругой и сиделкой в дни частых и мучительных его болезней, образцовой хозяйкой, заботившейся о материальных удобствах.

Впрочем, материальное положение Кальвина в Страсбурге, особенно в первое время, было далеко не блестящим. Жалованье, назначенное советом, было очень незначительно, и нужда часто доходила до того, что ему нечем было уплатить за квартиру. Его литературные произведения почти ничего не приносили ему, а между тем одна корреспонденция стоила очень много. Ему даже пришлось продать свою библиотеку, оставшуюся в Женеве, и принимать в свою квартиру жильцов, которым Иделетта доставляла стол. Тем не менее, Кальвин упорно отказывался от всех предложений друзей, старавшихся улучшить его материальное положение. “Благодарю всех моих братьев, – пишет он Фарелю, – за их добрые предложения – бедняки,

дающие милостыню тому, кто еще беднее их! Но я дал себе слово больше не принимать ничего, ни от тебя, ни от наших общих друзей, пока не буду вынужден к этому. Книги, которые я оставил в Женеве, покроют расход по найму квартиры. В остальном поможет Господь”.

В Страсбурге Кальвин ближе сошелся с немецкими теологами. В то время в Германии происходил целый ряд сеймов – во Франкфурте, Гагенау, Вормсе и Регенсбурге, – сопровождавшихся религиозными диспутами. Это была самая блестящая пора для немецких протестантов, которые ежедневно одерживали новые победы. В среде католиков господствовало уныние, и сам папа готов был делать уступки. Кальвин, прекрасно изучивший положение дел, возлагал вначале большие надежды на эти сеймы. Он надеялся достигнуть полного соглашения между всеми протестантскими партиями, которое должно было обеспечить им торжество над католиками. Он не отступал и перед перспективой гражданской войны, сам очень деятельно хлопотал о союзе протестантских князей с французским королем против Карла V, так что Франциск I даже поручил своей сестре передать Кальвину благодарность за эти хлопоты. В то же время последний издал анонимную брошюру, в которой предостерегал “свою Германию” от происков папы. Вначале дело, казалось, шло хорошо. Меланхтон, с которым Кальвин очень близко сошелся в это время и который относился с большим уважением к своему ученому собрату, называя его не иначе, как “теологом”, употреблял все усилия, чтобы добиться соглашения между протестантскими церквами. Кальвин даже готов был для этого сделать некоторые уступки в своем учении. Но вскоре эти надежды сменились полным разочарованием.

Шествие Карла V и папы Климента VII после коронования в Болонье 24 февраля 1530 года. С гравюры Николая Гогенбурга, очевидца этого торжества

*Ландскнехты Карла V во время первой его войны против Франциска I.
С гравюры, исполненной ок. 1520 г. Шеффелином*

Император Карл V на 32 году жизни. С гравюры на меди Бартеля Бегаме, 1538 г.

В конце концов сеймы не привели ни к чему положительному. Не только соглашение с католиками не состоялось, но и разногласия между протестантскими церквями также не были устранены. Главным камнем преткновения был вопрос о причастии, которое Лютер толковал иначе, чем Кальвин. Сам Лютер не присутствовал на этих сеймах, а Меланхтон, соглашавшийся вначале с Кальвином, не посмел пойти против своего учителя. Таким образом, первоначальные мечты Кальвина о союзе между обеими церквями – немецкой и швейцарской – не оправдались. Он вообще не мог сойтись с немцами, которые казались ему еще слишком зараженными духом католичества и которые, в свою очередь, находили его слишком фанатическим. Он возмущался подчиненным положением их духовенства и отсутствием у них той нравственной дисциплины, которая считалась им необходимою принадлежностью всякой правильно поставленной церковной организации. Отчасти и это разочарование было в числе тех мотивов, которые побудили его отказаться от своей деятельности в Страсбурге и принять вторичное приглашение в Женеву.

Мысль о Женеве никогда, впрочем, не покидала реформатора. Наслаждаясь в Страсбурге желанным покоем, окруженный всеобщим почетом, он не переставал зорко следить за всем, что происходило в изгнавшем его неблагодарном городе. Быть может, его врожденное властолюбие не удовлетворялось скромною ролью проповедника маленькой общины, в то время, как в Женеве он имел возможность сделаться настоящим главою республики.

Может быть также, он уже успел к тому времени оценить все значение этого города для дела реформации. Как бы то ни было, несмотря на все испытанные унижения, несмотря на тот ужас, который ему внушала мысль о возвращении даже в то время, когда оно стало делом возможным, Кальвин в глубине души никогда не переставал желать этого. Женеве в одно и то же время и пугала, и притягивала его.

Уже 1 октября 1538 года, менее чем через шесть месяцев после своего изгнания, он обращается с длинным посланием к своим “возлюбленным братьям в Господе, остаткам разрушенной женевской церкви”, с которыми считает себя связанным и в отдалении. С совершенно необычною для него кротостью и умеренностью в выражениях он убеждает их терпеливо сносить посланное им небом испытание, быть снисходительнее к противникам, которые служат только орудием в руках сатаны, и твердо уповать, что в конце концов его невиновность воссияет как солнце и враги его будут посрамлены.

И действительно, события складывались так, что предсказание Кальвина оказалось пророческим.

В сущности, эти “остатки разрушенной церкви” были не так незначительны, как могло показаться во время его изгнания. Когда улеглось первое возбуждение против изгнанных проповедников, приверженцы Кальвина снова выступили открыто. Они стали громко роптать, что новые власти только потворствуют безнравственности, относились презрительно к новым проповедникам, так что последние не раз принуждены были жаловаться совету на претерпеваемые ими оскорбления. Фарель из Невшателя следил за своими приверженцами, воодушевляя их частыми пламенными посланиями. Но главным очагом оппозиции служила основанная при Кальвине коллегия. Учителя коллегии – Сонье и Кордые – употребляли всевозможные средства, чтобы подорвать доверие народа к новым порядкам. Властям ставились всяческие затруднения, против проповедников распространялись клевета и обвинения. Совет наконец решил действовать энергично. Он потребовал от учителей, чтобы они стали раздавать причастие по бернскому обряду. Те, конечно, отказались и были изгнаны из города, а само гнездо беспорядков – коллегия – было временно закрыто. В то же время совет издал целый ряд строгих постановлений против распущенности в духе Кальвина. Но вместе с реформатором исчезла и моральная сила этих законов. Они оставались по большей части мертвой буквой, а некоторые строгости, предпринятые против отдельных нарушителей порядка, послужили только к усилению недовольства. Анархия росла, а вместе с ней росли и симпатии к изгнанным.

В то же время слабость властей оживила и надежды тайных католиков. Друзья Кальвина еще более преувеличивали значение этой опасности, так что слухи о благоприятном для католичества настроении Женевы распространились за пределы города и вызвали со стороны католиков попытку, которая действительно могла оказаться опасной для дела реформации.

В Лионе собралась тогда конференция из католических прелатов, в числе которых был и последний епископ Женевы. Решено было обратиться с воззванием к женевцам, и составление этого воззвания поручили кардиналу Садолету, епископу Карпентра.

Выбор был очень удачным. Садолет был одним из замечательнейших и популярнейших католических иерархов. Бывший секретарь папы Льва X, в качестве такового находившийся в сношениях со всеми выдающимися людьми того времени, страстный любитель и собиратель книг и произведений искусства, Садолет был не только одним из образованнейших

людей того времени, блестящим представителем эпохи Возрождения, но и человеком редкого благородства и чистоты нравов. Назначенный епископом в Карпентра, в дикую горную местность, этот блестящий ученый, влюбленный в Рим и с трудом расставшийся с его сокровищами науки и искусства, превратился в идеального пастыря своих бедных полуцивилизованных горцев. Он был горячо предан католичеству, но при этом отличался редкой гуманностью и терпимостью, состоял в дружбе с Меланхтоном, который посвящал ему свои произведения, сочувствовал некоторым идеям реформации и сам не прочь был от реформы в церкви, но с условием признания главенства папы, в котором он видел гарантию единства церкви.

В устах такого человека апология католичества, конечно, должна была произвести особенное впечатление. Садолет справился со своей задачей как нельзя лучше. В самых дружеских сердечных выражениях он обращается к “своим дорогим братьям, синдикам, совету и гражданам Женевы”, убеждая их вернуться в лоно оплакивающей их потерю церкви. Искусно свалив вину раскола на реформаторов, он не вдается в опровержение нового учения и старается главным образом подействовать на сердце своих читателей. С глубоким чувством он рисует им преимущества католической церкви, этой тихой пристани, которая дарует душе мир и спокойствие в настоящей и спасение в будущей жизни, за которую говорит уже одна ее древность, ее могущество, ее единство. Особенно сильным поэтическим пафосом отличается заключительное место этого послания, где перед судом Всевышнего появляются души двух представителей старого и нового учения. В то время, как один из них указывает на свое согласие с отцами и учителями церкви, предписаниям которых он смиренно подчинялся, другой из-за случайных несовершенств в ней или из неудовлетворенного честолюбия произносит свое осуждение над всем, что считалось священным в течение стольких веков.

Пять лет тому назад такое послание, может быть, оторвало бы Женеву от реформации. Теперь оно только оказало ей услугу. Тем не менее, воззвание Садолета произвело впечатление. Совет принял его и отвечал в очень любезных выражениях, обещая впоследствии заняться рассмотрением этого вопроса. Католики ободрились, в самой Женеве многие стали громко обнаруживать свои католические симпатии. Некоторые из изгнанных католиков осмелились даже вернуться на родину.

Соблазн мог оказаться слишком сильным, необходимо было возразить Садолету. Но, увы! Чтобы ответить такому красноречивому защитнику, необходимо было талантливое перо, а женевские проповедники были

людьми более чем заурядными. И тогда – сначала тихо, потом все громче – стало раздаваться имя Кальвина. Даже враги его должны были признать, что только он один сумел бы дать этот ответ. Кальвин в Страсбурге знал, чего от него ожидают. Он не мог оставить свою прежнюю паству в таком беспомощном положении, и ответ Садолету не замедлил появиться (1 сентября 1539 года).

Этот ответ был действительно мастерским произведением, одной из самых блестящих полемических работ реформатора. Он написал его в шесть дней, но, несмотря на эту спешность работы, а может быть, и благодаря ей письмо к Садолету отличается тем огнем и той образностью речи, свойственными импровизации, которые совершенно чужды большинству его более обдуманных произведений. Садолет особенно идеализировал единство и старшинство католической церкви. Кальвин отвечает изображением испорченности этой единой церкви и сразу уничтожает все впечатление картины, нарисованной его противником. Последний только слегка коснулся догматических вопросов, Кальвин выставляет их на первый план и с необыкновенным жаром и убедительностью защищает свою религиозную систему. Но самым блестящим пунктом этого ответа является его собственная защита. Садолет обвинял Кальвина в честолюбии; но что же дала ему, что ему могла дать реформа такого, чего бы он не мог добиться, и с гораздо меньшим трудом, на службе католической церкви? Он сам стремился к одному: жить в мире и работе. Не собственное желание, а ход событий, воля Божества вывели его на арену борьбы. От этой общей защиты он переходит потом к защите своей деятельности в Женеве: что он делал такого в этом городе, чего не одобрил бы всякий друг порядка и нравственности, хотя бы даже католик? Садолет упрекал его в том, что, проповедуя об оправдании верой, он проповедовал ненужность добрых дел – странный упрек человеку, который подвергся изгнанию именно за свою требовательность в этом отношении. “Если бы ты обратил внимание на мой катехизис и те инструкции, которые я написал для Женевы, то замолчал бы на первом слове”. Шаг за шагом следует Кальвин за своим противником и разбивает его во всех пунктах. Садолет, как мы видели, закончил свое послание изображением суда Божия. Кальвин пользуется тем же приемом, чтобы оправдать себя от обвинения в новшествах. “Я видел, что Евангелие заглушено суеверием, что Слово Божие намеренно утаивается от сынов церкви – что же мне оставалось делать?.. Если нельзя назвать изменником того, кто, видя расстройство воинов, поднимает знамя полководца и снова строит их в ряды, то неужели я заслуживаю этого названия, я, который, видя расстройство церкви,

поднял старое знамя Иисуса Христа?”

На этот ответ со стороны католиков не последовало более возражений. Вся протестантская Европа читала его с восторгом. Даже Лютер, вообще не симпатизировавший швейцарскому реформатору, отозвался о нем с большой похвалой. В самой же Женеве впечатление, произведенное этим ответным посланием, было громадным. Приверженцы Кальвина ликовали. Они с гордостью повторяли, что только он один способен был дать отпор католикам, что, несмотря на все случившееся, он продолжает любить этот неблагодарный город. И с этим, конечно, нельзя было не согласиться.

Таким образом, последняя попытка католицизма вернуть утраченную власть дала совершенно противоположные результаты. Она оказала услугу одному Кальвину. Письмо к Садолету было шагом к его примирению с женевским народом.

Политические дела также стали благоприятствовать Кальвину. Враждебная ему партия с синдиком Иоганном Филиппом во главе, сильно скомпрометировала себя договором с Берном, которому она уступила часть владений Женевы. За такую государственную измену Иоганн Филипп был осужден на казнь (в июне 1540 года), а скоро после того погибли и другие три синдика, содействовавшие свержению Кальвина. С тех пор призвание последнего стало делом решенным.

21 сентября 1540 года совет поручает одному из своих членов, Ами Перрену, “изыскать средства, чтобы убедить господина Кальвина вернуться в Женеву”. Перрен пишет Кальвину, Фарель также уговаривает его принять приглашение. Но Кальвин и слышать об этом не хочет. “Я содрогаюсь, когда вспоминаю о своей жизни в Женеве, – отвечает он Фарелю. – После Бога, тебе одному известно, что я только потому оставался там, что не смел уклоняться от обязанностей своего звания, указанного мне самим Богом. Поэтому я готов был выносить все, лишь бы не покидать своего поста. Но теперь, когда я, по милости Бога, стал свободен, неужели я добровольно окунусь опять в эту пучину? И если бы меня даже не пугала опасность для себя, то неужели я могу серьезно надеяться, что сумею там действовать с пользой? Кто образует большинство в Женеве? Ни я, ни они не сумеем ужиться друг с другом... И к тому же, говоря правду, здесь, в Страсбурге, благодаря мирной, спокойной жизни я совершенно разучился управлять массами”.

Так писал он Фарелю. В таком же тоне он отвечал другим друзьям, хлопотавшим о том же. Кальвин действительно не мог забыть всех вынесенных унижений и боялся их повторения в будущем. Но в основе этих отказов, несомненно, лежал и расчет. Он чувствовал, что победа от

него не уйдет. Он не желал возвратиться только на правах помилованного изгнанника; ему надо было, чтобы гордость женеvцев была сломлена, чтоб право помилования принадлежало ему, чтоб он мог вернуться победителем и предписывать законы тем, которые не сумели без него обойтись. Расчет был верный, и он добился своего.

Мысль о возвращении Кальвина овладевает гражданами Женевы с упорством настоящей *idée fixe*. Не только его приверженцы, весь народ этого желает. Все чувствуют, что только его твердая рука может положить конец всем беспорядкам – забыты его строгости, его “тирания”. Об этом возвращении только и говорят, только и думают. Протоколы совета наглядно рисуют нам, как вопрос о возвращении изгнанного проповедника мало-помалу заслонил собою все заботы дня.

13 октября в совете было решено: “Написать письмо господину Кальвину и просить его оказать нам свое содействие”. Податель письма, друг реформатора, должен был посетить и других проповедников в Страсбурге и просить их действовать на Кальвина в том же смысле.

19 октября в “совете двухсот” постановлено: “Ради величия и славы Божией, употреблять все средства, чтобы иметь Кальвина проповедником”.

20 октября генеральный совет постановляет: “Послать в Страсбург просить *maitre* Жана Кальвина, этого ученого мужа, быть проповедником в этом городе”.

21 октября повелено, чтоб Ами Перрен отправился, в сопровождении герольда, с письмом к Кальвину. Решено также просить страсбургцев не противиться отъезду реформатора.

22 октября составляется самое письмо к Кальвину. От имени малого, большого и генерального совета последний в самых почтительных выражениях приглашается вернуться к прежней деятельности, “так как народ этого очень желает, и мы будем стараться, чтобы Вы были нами довольны”.

Кальвин в то время был на сейме в Вормсе. Не застав его в Страсбурге, женевские посланные отправляются за ним в Вормс. Кальвин отвечает на переданное ими письмо в довольно неопределенных выражениях. Он охотно исполнил бы их желание, но связан разными обязательствами: из Вормса он еще должен отправиться в Регенсбург, да и отпустят ли его страсбургцы. При этом он, однако, не забывает ставить свои условия – он хочет быть не простым проповедником, а восстановителем церкви, требует, чтобы бернские и страсбургские власти дали открыто свое согласие, и во всяком случае он согласен приехать в Женеву только на время.

С тех пор между Кальвином и женедцами завязывается оживленная переписка. Последние согласны на все условия, письма летят за письмами, посольства следуют за посольствами. Но Кальвин то готов уже согласиться, то снова отступает в ужасе перед грозящими ему опасностями. “Вернуться в Женеву? – пишет он Вире, – отчего лучше не идти на крест?” Но Вире, приглашенный на время в Женеву из соседней Лозанны, и Фарель, и Бусер, и многочисленные друзья во всех евангелических кружках не перестают его уговаривать. Страсбургцы соглашаются его отпустить. Фарель снова страшает его гневом Божиим, и наконец Кальвин уступает.

Женева победила, Женева ликует. С тех пор, во все продолжение лета 1541 года, совет поглощен заботами о том, как бы торжественнее обставить его возвращение. Старательно придумывают, чем бы можно было ему угодить, восстанавливают его прежние законы церковной и гражданской дисциплины, призывают назад его изгнанного друга, Матюрина Кордые. Несколько заседаний совета посвящено лишь вопросу об отыскании для него удобной квартиры “с садом”. С лихорадочным нетерпением женеццы ждут его, “нашего дорогого брата, который нам безусловно необходим, которого народ так страстно требует”. И наконец, под 13 сентября, мы читаем в протоколах: “Maitre Жан Кальвин прибыл из Страсбурга и очень извинялся в своем долгом промедлении”.

Возвращение изгнанного проповедника было настоящим триумфальным шествием. Еще раньше, чем он выехал из Страсбурга, навстречу ему был выслан герольд; Фарель был приглашен участвовать в торжественной встрече. Народ приветствовал его восторженными криками. Кальвин вернулся в Женеву настоящим победителем. В тот же день было решено за счет города перевезти семейство Кальвина из Страсбурга и просить страсбургцев уступить его Женеве навсегда. Ему назначили годовое жалованье в 500 флоринов (1200 руб.), 12 мер пшеницы и два ведра вина. Магистрат поднес ему даже сюртук, за который уплачено было из городских сумм восемь талеров (десять рублей). Заботливость властей о его удобствах порой доходила до смешного.

Глава VII. Реформы Кальвина

Влияние Страсбурга на развитие реформатора. – Кальвин осуществляет свою программу. – Церковные ордонансы. – Роль проповедника. – Конгрегация и консистория. – Протестантские инквизиторы. – Кальвин – диктатор Женевы

Три года, проведенных в Страсбурге, имели большое влияние на характер и развитие реформатора. В сущности Кальвин всю жизнь оставался таким же, каким мы его видели молодым студентом в Париже – это все тот же неутомимый труженик, равнодушный ко всему, что не имело прямого отношения к его деятельности, аскет, презирующий все радости жизни, все тот же accusativus, нетерпимый к слабостям других, педантичный, болезненный, раздражительный. Но годы тревожной жизни, непрерывной борьбы закалили его, сделали еще недоступнее мягким человеческим чувствам. Вся его сухая фигура, несколько надменная аристократическая манера, длинное, бледное лицо со впалыми щеками и тонкими губами, холодный блеск его черных глаз – все в нем говорило о несокрушимой воле, которая не потерпит никакого противодействия, внушала в одно и то же время и уважение и страх. Прежняя робость, неуверенность в себе давно исчезли. Со времени выхода “Христианской институции” религиозные убеждения Кальвина оставались неизменными. Но благодаря пребыванию в Страсбурге, знакомству с немецкими теологами, его умственный горизонт расширился, идеи выиграли в ясности и систематичности. Теперь перед нами вполне сформировавшийся реформатор и законодатель с ясной и твердо намеченной программой действий, не знающий никаких сомнений и с неуклонной энергией идущий по тому пути, который он считает единственно правильным, указанным ему самим Богом.

Действительно, если в душе у Кальвина когда-нибудь зарождалось сомнение в правильности его образа действий, сомнение в том, имеет ли он право огнем и мечом заставлять других верить в то, во что он сам верит, то теперь эти сомнения должны были рассеяться окончательно. Для такого фаталиста, как он, последние события должны были служить самым убедительным доказательством его непогрешимости. Этот самый народ, который так позорно изгнал его, так покорно лежит у его ног, умоляет его вернуться. Разве это не перст Божий? Ведь он сам не добивался этого возвращения... И самое его первое появление в Женеве – ведь и тогда он

был лишь орудием высшей воли. Нет сомнения, – сам Бог привел его сюда, чтобы провести на деле то учение, которое Он его устами возвестил миру в “Христианской институции”. И потому горе тем, кто пойдет теперь против Кальвина – как в большом, так и в малом. Они уже противники не его, а Бога, а таким не может, не должно быть пощады.

Впрочем, первое время после своего возвращения Кальвин обнаруживал необыкновенную умеренность. С великодушием победителя он пощадил прежних проповедников, хотя ему стоило сказать лишь слово, чтобы они были немедленно смещены. Всеобщая покорность и подобострастие, очевидно, тронули его. В своей первой публичной проповеди он ни словом не напомнил о прежних событиях, “против ожидания всех”, как он сам рассказывает. Но эта кротость и умеренность, в сущности, так мало согласовались с его натурой, что он сам не может надивиться своей сдержанности. Ему кажется, что никто на его месте не поступил бы так, как он, не пощадил бы своих противников. “Ты вряд ли поверишь этому, – пишет он одному другу, – а все-таки это так: я так дорожу сохранением мира и согласия, что сам насилую себя. Я даже словами не мщу своим врагам. Господь да поддержит меня в этом настроении”.

Действительно, Кальвин только насиловал себя, поступая таким образом. По его убеждению, быть кротким, умеренным – значило потворствовать злу. Ему надо было только расположить к себе народ, не вспугнуть его слишком резким переходом к новым порядкам. Но эти порядки были, по его мнению, необходимы, и он, не теряя времени, принимается за дело.

Уже в первом заседании совета, после извинений за долгое промедление, он предложил приступить немедленно к водворению порядка в церкви. В тот же день была назначена комиссия из шести членов совета, которые должны были помогать Кальвину в выработке нового церковного устава. Все они принадлежали к числу безусловных поклонников реформатора и, понятно, во всем соглашались с ним. Благодаря этому проект устава был готов уже через несколько недель и 28 сентября представлен совету. Надо полагать, что чтение проекта вызвало во многих членах тревожные предчувствия будущего. Некоторые из них даже предпочли не явиться на следующее заседание. Им было сделано строгое внушение, и проект, хотя и с некоторыми изменениями, прошел; 9 ноября он был одобрен и “советом двухсот”, а 20 ноября, в окончательной своей редакции, утвержден генеральным собранием граждан.

Таким образом, Кальвин добился того, чего ему не удалось достигнуть

в первое свое пребывание в Женеве. Изданные ордонансы представляли полный церковный кодекс, составленный в духе “Христианской институции”. Кальвин мог быть довольным. Уступки, которые ему пришлось сделать, снизойдя к “слабости времени”, были довольно ничтожны. В главном и существенном все его требования были удовлетворены, остальное представлялось только делом времени. И Кальвин не бездействовал. Целым рядом отдельных мер и постановлений, принятых после более или менее сильного сопротивления, он дал Женеве то образцовое церковное и гражданское устройство, которое превратило свободную демократическую республику в теократическое государство, управляемое деспотизмом “женевского папы”, а веселую шумную Женеву – в мрачный город с суровыми, почти монастырскими нравами.

Рассмотрим прежде всего его церковную реформу.

Кальвин разделяет людей, призванных к заведованию церковными делами на четыре категории: проповедники, учителя, старейшины и дьяконы. Последние заведовали благотворительной частью. Но первенствующая роль в церковном управлении принадлежит проповедникам. Это – “слуги божественного слова”; они должны “возвещать слово Божие, учить, увещевать народ, раздавать причастие и вместе со старейшинами налагать церковные наказания”. Всякий кандидат на это звание должен подвергнуться предварительно испытанию в коллегии проповедников. Испытание это касается: 1) его правоверности, 2) его умения проповедовать, 3) безупречности его поведения. Если результат испытания оказался удовлетворительным, то на него, по апостольскому обычаю, возлагают руки, и он считается избранным. После этого он представляется совету, который имеет право одобрить выбор духовенства или отвергнуть его; совет, в свою очередь, велит возвестить об этом выборе во всех церквях гражданам, которые также могут сделать возражение, если у них имеются для этого серьезные основания. Но, в сущности, все это – одни формальности. Кальвин счел бы непростительной дерзостью со стороны мирян, если бы они стали отвергать того, кто был найден достойным со стороны всего духовенства. Как мы уже говорили, то участие, которое автор “Христианской институции” предоставлял общине в церковном управлении, на деле сводилось к простому одобрению.

Принятый таким образом проповедник должен был принести совету присягу в ревностном исполнении своих духовных обязанностей и в соблюдении гражданских законов, “насколько последние не будут противоречить его обязанностям перед Богом”. После этого он считался связанным со своей общиной теснейшими узами. Он не имеет права

уезжать без разрешения, даже добиваться другого места. В свою очередь ни община, ни власти не могут его лишать этого звания без достаточно веских причин, какими считаются только очевидная ересь или преступность поведения. Как слуга и наместник Бога во вверенной ему общине проповедник имеет право на уважение и доверие своих прихожан. Оскорбивший его навлекает на себя не только гнев Божий, но и кару гражданских законов. Община должна заботиться о приличном содержании для проповедника. Кальвин вовсе не требует от духовенства евангелической бедности. Он даже не запрещает духовным заботиться об умножении своего имущества, лишь бы это не противоречило строгой нравственности. Кальвин видел в этой материальной обеспеченности средство для большей независимости духовного сословия и очень часто, и в проповедях, и в заседаниях совета, настаивал на возвращении духовенству церковных имуществ, отнятых у католиков. В сущности, кальвинистское духовенство по степени своего влияния нисколько не уступает католическому. Оно не должно ограничиваться одной только проповедью, но обязано руководить всей религиозно-нравственной жизнью общества, – влияние его простирается на все сферы жизни. Увещаниями, предостережениями и наказаниями оно должно содействовать прославлению Бога и воспитанию богобоязненного поколения. Снисходительность к грешнику не подобает проповеднику, ибо он не только провозвестник истины, но и ее защитник, он – “мститель” за обиды, наносимые имени Божию. Его проповедь не должна отличаться мягкостью, он должен стараться подражать той “страстности, с которой Павел обрушивался на ложных пророков”.

Из совокупности всех духовных составляется конгрегация, или коллегия, проповедников, задачу которой составляет охранение чистоты и единства учения. Она собиралась еженедельно, под председательством самого реформатора. Здесь обсуждались различные богословские вопросы, совещались о мерах для улучшения нравственности; здесь уполномоченные конгрегации, отправлявшиеся ежегодно ревизовать деятельность проповедников, представляли свои отчеты, обвиняемые духовные являлись для объяснений; здесь же, наконец, часто обсуждались и подготавливались многие важные политические меры, так что мало-помалу значение конгрегации даже превысило значение совета. Душою этих собраний был, конечно, реформатор, которому принадлежал решительный голос и который, таким образом, являлся фактическим главою государства.

Но самое замечательное из учреждений Кальвина – консистория, или коллегия старейшин. Это было в высшей степени своеобразное учреждение

– в одно и то же время и светское, и духовное, нечто среднее между инквизиторским трибуналом и судебной инстанцией, ярко воплотившее в себе теорию Кальвина о тесной связи между церковью и государством.

Членами консистории состояли все городские проповедники – числом обыкновенно шесть – и 12 мирян – “старейшин” (anciens), которые избирались из среды членов малого совета по соглашению с проповедниками. Они давали присягу в том, что будут преследовать богохульство, идолопоклонство, безнравственность, все, что противоречит учению реформации, и немедленно докладывать консистории о всяком преступном действии.

Таким образом, в этом чисто аристократическом учреждении, состоявшем из лиц, в выборе которых народ совершенно не участвовал, сосредоточивалась громадная власть – деятельность его была одновременно и контролирующая и судебная.

“Обязанности старейшины, – гласят ордонансы, – заключаются в том, чтобы надзирать за жизнью каждого члена общины”. Понятно, что на первом плане стоит вопрос о правоте граждан. Не только открыто высказываемые мнения, даже самые помыслы подлежат контролю старейшин. Они должны наблюдать, посещает ли каждый гражданин проповедь, является ли аккуратно к причастию, воспитывает ли хорошо детей, ведет ли нравственную жизнь и т. д. Чтобы облегчить им этот контроль, каждый член консистории имеет право беспрепятственно входить в дом гражданина – и не только право, но и обязанность. По крайней мере раз в год члены консистории должны обходить все дома в городе, чтобы лично удостовериться в том, исполняются ли предписания церкви. Но и помимо этого открытого контроля, члены консистории постоянно и неусыпно следят за всем, что происходит во вверенном каждому из них городском квартале. Заметив какое-нибудь упущение, они должны стараться подействовать на виновных отеческим увещанием. Если же это средство окажется недействительным или проступок слишком значителен, то они сообщают об этом в консисторию, которая тогда обращается в судебный трибунал.

Таким образом, каждый член консистории совмещал в себе три различные функции. Он являлся и обвинителем виновного, докладывая о его поступке, и свидетелем против него, и он же наконец подавал свой голос как судья. В какой степени подобное соединение различных функций в одних руках могло содействовать интересам правосудия и беспристрастию приговоров – об этом, конечно, лишнее говорить. При этом необходимо иметь в виду, что члены консисторий получали жалованье из

штрафных денег, и сама консистория представляла первую и последнюю инстанцию (за исключением брачных дел, на которые можно было апеллировать).

Деятельность Кальвина не ограничивалась, однако, реформой церковного устройства. Одновременно он работает и над проектом гражданских реформ. Беспорядки предыдущей эпохи привели управление Женевы в большое расстройство. Кальвин и тут вносит порядок и систему. Уже в начале 1543 года комиссия, работавшая под его руководством, исполнила большую часть своей программы: установлены были определенные рамки для деятельности различных государственных органов, обязанности должностных лиц обозначены в ясных и точных выражениях. Все государственное устройство Женевы получило тот аристократический и в то же время строго религиозный характер, который он защищал в своем капитальном труде.

Подверглось коренному преобразованию и устройство судебной части, которую он разработал до мельчайших подробностей. Недаром он в свое время изучал право. Кальвин вообще вникал во все. Ни одна мелочь городского управления не ускользала от его внимания. Наряду с самыми важными церковными и гражданскими вопросами реформатор занимается и самыми мелкими деталями городского благоустройства. Он пишет подробные инструкции для смотрителей за постройками, для пожарной команды, даже правила для ночных сторожей и т. д. И на всех его учреждениях лежит та печать суровой неумолимой законности, педантичного порядка, которые составляют основу его личного характера.

Но еще важнее, чем все эти постановления, было то влияние, которое реформатор оказывал своим личным вмешательством во все сферы общественной жизни. Это влияние было неограниченным. De jure в Женеве существовали и независимые гражданские власти, в виде различных советов, и коллегии духовных. Фактически же над всеми этими учреждениями возвышалась властная фигура самого “женевского папы”. Генеральное собрание граждан созывается все реже и реже: по мнению Кальвина, оно представляет собою “злоупотребление, которое должно быть уничтожено”. “Совет двухсот” также оттесняется на задний план, все дела решаются в малом совете, а на это собрание двадцати пяти олигархов, состоящих почти исключительно из его приверженцев, Кальвин имеет такое же почти неограниченное влияние, как и на коллегию духовных. И здесь, и там, и с высоты кафедры он произносит свое авторитетное слово, и это слово имеет всегда решающее значение. Выслушивалось ли оно покорно или со слабыми возражениями, как в первые годы после его

возвращения, или оно вызывало взрыв недовольствия и даже возмущения, – голос реформатора продолжал раздаваться так же решительно и непоколебимо, и в конце концов победа оставалась на его стороне. Результаты были поразительными.

Глава VIII. Женева при Кальвине

Женева католическая и Женева протестантская. – Законодательство Кальвина. – Процессы “отравителей”. – Церковная и гражданская дисциплина. – Женева походит на монастырь.

Девиз католической Женевы гласил: *Post tenebras spero lucem* (после мрака ожидаю света). Приверженцы реформации, усматривавшие в нем что-то пророческое, полагали, что теперь, с упрочением новой религии, свет окончательно вытеснил прежний мрак. “*Post tenebras – lux*” – таков был гордый видоизмененный девиз, которым Женева Кальвина заменила прежний.

Посмотрим же, как жилось гражданам Женевы под лучами этого нового света.

Мы видели уже, какой была внешняя жизнь этого города; этот оригинальный тип женеvesкого гражданина – трудолюбивого, аккуратного за работой, веселого, любящего всякие общественные увеселения, игру, танцы и шумные сборища в часы досуга. Мы видели также, что выше всего женеvesкий гражданин ценил свою независимость. Когда свобода страны подвергалась опасности, когда герцог Савойский или другой внешний враг хотели посягнуть на вольности города или привилегий корпорации, тогда все эти ремесленники и купцы брались за оружие, чтобы защищать неприкосновенность своих прав. На время забывались все раздоры, все личные счеты – Женева поднималась как один человек. Когда герцог Савойский объявил, что возобновит в городе прежние уничтоженные им ярмарки, главный источник его богатства, но с условием, что будет считаться покровителем, женеvesцы не поддались на удочку. “Лучше свобода, чем богатство!” – ответили они на это заманчивое предложение.

Прогнав епископа, отрекшись от католицизма, они, наконец, достигли полной независимости. Но вместе со свободой восторжествовала анархия. Пришлось снова призвать Кальвина.

Post tenebras – lux! Порядок был водворен. На месте прежней неурядицы – стройная государственная и церковная организация; сильная светская власть, еще более могущественная церковь. И та, и другая служили одной цели – сохранению чистоты учения и воспитанию граждан в духе этого учения. Реформатор выполнил свою задачу блестяще. Но в этой новой преобразованной Женеве никто, конечно, не узнал бы прежнего свободного, оживленного города.

Перед нами точно Флоренция в период господства в ней Савонаролы, Венеция с ее “советом десяти”, “мостом вздохов”, тайными доносами и казнями, пред нами какое-то новое теократически-олигархическое государство с драконовскими законами, где гражданин, накануне проливавший кровь в защиту своих прав, имеет только одну свободу, одно право – молиться и работать.

Один из восторженных почитателей Кальвина, Генри, вынужден заметить, что законы, данные им Женеве, “были писаны кровью и огнем”. И, конечно, это далеко не преувеличение.

Подобно тому, как в проповеднике Кальвин видел “мстителя” за нарушение слова Божия, так и в носителях светской власти он видел главным образом карателей человеческих проступков. Человек по природе склонен ко злу и возмущению, поэтому над ним должна всегда тяготеть сдерживающая узда. Власть, истинно угодная Богу, непременно строга – ей должны быть чужды сострадание, милосердие и другие человеческие слабости. По мнению Кальвина, осуждение невинного гораздо меньше зло, чем безнаказанность виновного. Совершенно ошибочно представление, будто светская власть должна карать лишь преступления против граждан – убийство, воровство или другие посягательства на права их, – и оставлять безнаказанными безнравственность, пьянство и оскорбления имени Божия.

При таких теориях система наказаний, конечно, не могла отличаться мягкостью. Смертная казнь определяется за преступления самого различного свойства, совершенно в духе Ветхого завета. Смерть богохульнику, смерть тому, кто захочет подорвать существующий строй государства, смерть сыну, который проклянет или ударит отца, смерть нарушителям супружеской верности, смерть еретикам – вот статьи, которыми усеяны ордонансы Кальвина.

Проповедь Кальвина не упала на бесплодную почву. Вряд ли можно найти, даже в те времена, другое государство, где при таком небольшом населении и в такой срок совершено было так много казней: 58 смертных приговоров и 76 декретов об изгнании в сравнительно мирное время, каким был первый период деятельности Кальвина в Женеве (1542 – 1546 годы), лучше всего показывают, как охотно женевские власти пользовались своим правом. Но еще ужаснее была та жестокость, которой отличалось само судопроизводство. пытка была необходимой принадлежностью всякого допроса – обвиняемого пытали до тех пор, пока он не признавался в возводимом на него, подчас совершенно мнимом, преступлении. Детей заставляли свидетельствовать против родителей. Иногда простого

подозрения достаточно было не только для ареста, но и для осуждения: в числе 76 человек, осужденных на изгнание, 27 были осуждены только по одному подозрению. Человеческая жизнь потеряла всякую цену в Женеве. Особенно ужасно было обращение с мнимыми распространителями чумы. В эту эпоху чума свирепствовала в Европе и несколько раз посетила и Женеву. Как всегда, распространение ее невежество приписывало проискам злонамеренных людей, отравителей. Но нигде эти слухи не имели таких ужасных последствий, как в Женеве. Достаточно было одного подозрения, чтобы подвергнуть такого мнимого отравителя строжайшему допросу со всеми его атрибутами. В начале 1545 года число этих несчастных, обвиняемых в “колдовстве, в союзе с дьяволом, в распространении заразы”, так возросло, что все темницы были ими переполнены, и тюремный смотритель докладывал совету, что не может больше принимать арестантов. Обращение с ними было истинно варварским. Прежние приемы пытки казались слишком слабыми, власти обнаруживали в этом отношении чисто адскую изобретательность. Часто несчастные умирали под пыткой, продолжая утверждать свою невиновность; другие в отчаянии сами лишали себя жизни “по внушению сатаны”, как гласят протоколы. В промежуток времени от 17 февраля до 15 мая 1545 года таких “отравителей” погибло 34 от самых возмутительных способов казни.

Сам Кальвин наконец счел нужным протестовать против чрезмерных жестокостей; он потребовал, чтобы палачи скорее и осторожнее совершали казнь. Но в общем он был совершенно доволен этой строгостью властей и даже не считал ниже своего достоинства самому доносить о вредных лицах.

Консистерия также не бездействовала. Правда, она сама могла налагать лишь церковные наказания, но имела право передавать виновных гражданским властям, так что это ограничение было, в сущности, лишь кажущимся. Эта протестантская инквизиция проникала решительно всюду. Богатые и бедные, мужчины и женщины должны были по первому требованию предстать перед грозным трибуналом и за малейшее, нечаянно сорвавшееся, вольное слово, за улыбку некстати во время проповеди, за слишком нарядный костюм, за завитые волосы выслушивали гневные выговоры, выставлялись у позорного столба, подвергались церковному отлучению, штрафам, тюремному заключению. Всякое оскорбление божественного имени считалось преступлением, наказуемым гражданскими властями, а под эту категорию можно было подвести все что угодно – и найденный при обыске какой-нибудь атрибут прежнего католического культа, вроде крестика, образка и т. п., и непристойную

божбу, и неуважительное отношение к проповеднику, и насмешку над французским эмигрантом, в котором Кальвин видел святого мученика за Евангелие.

Результаты этой системы, как мы сказали, были поразительные. И город, и граждане точно преобразились. Шумная жизнь богатого города с живым подвижным населением притихла и заменилась мрачной серьезностью. Под бдительным оком консисторских цензоров, под вечной угрозой ордонансов жизнь женецев приняла характер строгой религиозности, порядка и дисциплины, каких мы не встречаем ни в одной церкви. Посещение проповеди было важнейшей обязанностью гражданина. Последний не имел даже свободы выбора церкви, так как для облегчения контроля ему предписывалось всегда посещать лишь свою приходскую церковь. Заболевший обязан был в течение первых трех суток болезни пригласить к себе духовного. Купец в своей лавке, ремесленник в мастерской, торговка на рынке, заключенный в темнице – все они находились под контролем старейшин, для всех существовали обязательные правила. Всякое неприличное выражение, ругательство, подслушанное одним из многочисленных шпионов (бдительность старейшин скоро оказалась недостаточной), немедленно доносилось в консисторию и вызывало соответствующие наказания. Извозчик, в сердцах обругавший свою упрямую лошадь, подвергался тюремному заключению.

Страсть к роскоши, которою отличались богатые женецы, также исчезла. Реформатор не ограничивался одними требованиями скромной умеренной жизни. Он вносил свою регламентацию в малейшие детали быта, определяя цвет и фасон костюмов, качество материи, предписывая законы относительно женской прически, даже устанавливая *maximum* блюд на пирах. В регистрах города можно прочесть иногда вещи положительно анекдотического характера. Три кожевника, читаем мы, присуждаются к трехдневному заключению на хлеб и на воду “за распутство”: они съели за завтраком три дюжины пирожков!

Исчезли и национальные увеселения Женевы, ее театральные представления, народные праздники со стрельбой в цель; запрещены были всякие игры, танцы, музыка, распевание светских песен, шумные празднования свадеб и тому подобное. Кальвин уничтожил также трактирные заведения. Вместо них были устроены так называемые аббатства, или духовные казино, по одному в каждом из пяти городских кварталов. В этих-то аббатствах женецкие граждане, не сумевшие побороть в себе потребность общения, могли проводить свои досуги под светским и духовным надзором. Хозяин заведения был правительственным

чиновником. Он должен был следить, чтобы гости не садились за стол, не совершив предварительно молитвы, чтобы они не божились, не вели себя неприлично, не вступали в бесполезные прения, и о каждом нарушении этих правил доносить властям.

Той же железной дисциплине, хотя и с большими трудностями, было подчинено и сельское население.

Так реформатор постепенно осуществил идеал общины верующих, которым грезил в то время, когда двадцатилетним молодым человеком писал свою “Христианскую институцию”. Женева стала настоящей духовной монархией. Даже совет, открывавшийся молитвой и благочестивой проповедью, более походил на церковное, чем на государственное собрание. Кальвин был полнейшим спиритуалистом; нечувствительный к красоте природы, к поэзии и искусству, он смотрел на землю как на юдоль плача и скорби, на земную жизнь – как на подготовительную ступень к жизни загробной, и этот дух аскетизма он привил и женевцам. Неустойчивый в работе реформатор требовал того же от других. Никто не имел права бездействовать, нищих в городе не полагалось. Хотя Кальвин и заботился о нуждах населения и во время дороговизны отыскивал для него новые источники заработков, старался поднять упавшие в предыдущие годы отрасли производства, но в сущности он был против излишнего благосостояния и однажды даже выразился, что “народ надо держать в бедности, иначе он перестанет быть покорным”. Светских наук он не признавал, но знание катехизиса считал необходимым и посещение школы сделал с этой целью обязательным.

Женева действительно утратила свое прежнее торговое и промышленное значение, но зато, по выражению французского историка Мишле, она сделалась “городом духа, основанным стоицизмом на скале предопределения”.

Глава IX. Борьба с оппозицией

Причины успеха реформатора. – Роль эмигрантов. – Начало оппозиции. – Чума в Женеве и поведение духовенства. – Борьба с либертинами. – Что такое либертины? – Процессы Амо, Фабра, Перрена и Грюэ. – Бертелье и окончательное поражение либертинов. – Оппозиция в духовенстве. – Михаил Сервет, его учение и мученическая смерть. – Роль Кальвина в процессе

Что же, однако, способствовало успехам реформатора? Каким образом граждане Женевы, так ревниво оберегавшие свои права, соглашались терпеть у себя этого чужеземного диктатора, который, во имя проповедуемого им учения, вырвал из их рук власть, передав ее небольшой кучке олигархов в лице членов малого совета и консистории? Как мог этот веселый, жизнерадостный народ подчиниться такой суровой дисциплине, такому почти монастырскому режиму?

Вот вопросы, которые невольно приходят в голову, когда приглядываешься к этой новой реформированной Женеве.

Ответ отчасти заключается в самом характере учреждений Кальвина. С необыкновенным тактом реформатор так искусно связал между собой церковь и государство, что женевские правители, гордые своим мнимым главенством над церковью, которое предоставлялось им в виде права охранять неприкосновенность и чистоту учения, вмешиваться, в лице старейшин, в церковные дела, в частную жизнь общины, и дорожа этими мнимыми прерогативами, не замечали того, что в сущности они сделались только слугами церкви. Охраняя себя и дарованную ему новым порядком власть, совет этим самым охранял и все здание Кальвина.

Другая причина устойчивости этого здания заключалась в особенном характере женевской реформации. Как мы уже видели, успехи ее обуславливались главным образом политическими соображениями. Реформация послужила средством, чтобы избавиться от ненавистного ига Савойи и епископа. Благодаря этому постепенно окрепло убеждение, что одно немыслимо без другого, а реформация, как показали события, была, в свою очередь, немыслима без Кальвина.

Но всех этих причин, может быть, не было бы достаточно, чтобы обеспечить успехи реформатора, если бы последний не мог опереться на другую внешнюю силу, если бы он не имел партии, которая готова была бы поддерживать его против неизбежной оппозиции. Эту опору он нашел во

французских эмигрантах.

Со времени усиления религиозных преследований во Франции число эмигрантов, пользовавшихся гостеприимством Женевы, все возрастало. Кальвин сам приглашал в Женеву всех гонимых протестантов, оказывал им всяческое покровительство и раздавал им право гражданства. В 1555 году в один день совет принял в число женевских граждан 300 человек – “для защиты правительства”, как говорится в протоколе. Вот эти-то эмигранты, между которыми, наряду с людьми действительно достойными, горячо преданными новому учению, будущими мучениками за него, попадались часто и люди с очень двусмысленным прошлым, – весь этот пришлый элемент, видевший своего духовного главу только в Кальвине, и доставлял ему ту опору, которая поддержала его в последовавшей борьбе. Из среды этих новых граждан избирались члены совета, стоявшие горой за Кальвина; они же доставляли ему большинство голосов на общих собраниях; из них, наконец, набиралась и та толпа тайных и явных шпионов, которые, под почетным званием “*gardiens de ville*”^[4] или вовсе без званий, поддерживали деятельность консистории и за известное вознаграждение из штрафных денег доносили о всех проступках, ускользавших от бдительного ока консисторских инквизиторов.

Прибавьте ко всему этому влияние самой личности реформатора, железную волю, не знающую преград, глубокую уверенность в правоте своего дела, которая всегда производит неотразимое действие на слабые, колеблющиеся умы – и тогда этот беспримерный факт полного перерождения целой общины под влиянием одного человека, оставаясь не менее поразительным, станет для нас вполне понятным.

Тем не менее, победа досталась реформатору нелегко. За первым, сравнительно мирным периодом его деятельности, последовал новый период ожесточенной борьбы с постепенно нараставшим народным неудовольствием. Этот второй период его деятельности, продолжавшийся девять лет (1546 – 1555), ознаменован главным образом борьбой с либертинами.

Не одна, впрочем, суровость новых порядков была причиной охлаждения, сменившего первоначальный энтузиазм женецев к своему вернувшемуся проповеднику. Содействовало этому и недостойное поведение самого духовенства.

В самом деле, от людей, предъявлявших к другим такие высокие требования, естественно было ожидать, что они сами будут служить живым примером и образцом проповедуемых ими добродетелей. На деле же оказывалось совсем не так. За исключением Кальвина, который, будучи

строгим к другим, был, по крайней мере, строг и к себе, остальные проповедники, ежедневно громившие в проповедях пороки своей паствы, вели себя далеко не безукоризненно. Хотя Кальвин и старался, во избежание соблазна, прикрывать недостатки своих товарищей, заступаясь за них против их обвинителей, но в интимных письмах к друзьям не раз выражал свое негодование по поводу их недостойного образа жизни. В продолжение первых пяти лет целый ряд духовных подвергся наказаниям; некоторых даже пришлось изгнать, но и заступавшие их место редко оказывались на высоте своего призвания. Особенно же должно было повредить духовенству в общественном мнении его поведение во время чумы 1543 года.

Новым проповедникам представлялся удобный случай доказать любовь и преданность своей духовной пастве, о спасении которой они так ревностно заботились. А между тем в то время, как миряне часто брали на себя уход за больными, духовенство трусливо уклонялось от своих прямых обязанностей. Еще осенью 1542 года, при первом появлении чумы, совету с трудом удалось найти одного проповедника, который согласился принять на себя службу в чумном госпитале. Это был некий Бланше. Сам Кальвин пишет по этому поводу Вире: “Если с Бланше случится несчастье, то, боюсь, мне самому придется принять на себя это опасное дело”. Опасность миновала, и Бланше остался невредим. Но весной 1543 года эпидемия начинает свирепствовать еще с большей силой. Снова возбуждается вопрос о назначении в госпиталь проповедника, и снова только один Бланше принимает этот опасный пост. Но Бланше вскоре становится жертвою заразы, и несчастные больные остаются без всякого духовного утешения. Многие из проповедников объявляют, что они “лучше отправятся на виселицу или к дьяволу, чем в зачумленный госпиталь”. Совет посвящает этому вопросу заседание за заседанием и настойчиво требует, чтобы духовные, наконец, выбрали кого-нибудь из своей среды, “за исключением господина Кальвина, который необходим церкви и в советах которого все нуждаются”. Коллегия духовных отнекивается и предлагает на это место одного приезжего француза; совет не соглашается, и тогда – 5 июня 1543 года – женефцы, которым, под страхом всевозможных наказаний, селятся навязать безусловную святость жизни, становятся свидетелями следующей сцены.

Процессия из всех проповедников, с Кальвином во главе, направляется к залу заседаний совета и здесь открыто заявляет, что хотя обязанность их заключается в том, чтобы служить церкви и в хорошие, и в дурные дни, но так как Бог не даровал им достаточно мужества, то они отказываются

пойти в госпиталь и просят извинить их. Совет постановляет “молиться Богу о ниспослании им впредь большего мужества” и в ожидании принимает услуги предложенного раньше француза.

Нельзя, конечно, отнести и к Кальвину то унижительное малодушие, которое выказало все женевское духовенство. Сам совет полагал, что он должен сберечь себя для блага всей церкви, но несомненно и то, что особенного мужества, настоящей деятельной любви к страждущим он не выказал в этом вопросе. Как бы то ни было, контраст между тем, чему учили проповедники, и их собственным поведением был слишком велик и не мог не поколебать их авторитета в глазах народа.

Кроме эпидемий, Женева подвергалась в это время и другим бедствиям. Неурожай и голод увеличивали число жертв; в 1545 году начались ужасные процессы против “отравителей и колдунов”. Городские финансы находились в самом плачевном состоянии. А в это время Кальвин, для которого дело евангелической пропаганды стояло на первом плане, занимал членов совета изображением страданий своих преследуемых соотечественников, посылал им значительные субсидии и вместе с Фарелем, в сопровождении герольда, предпринимал на городские средства поездки в Мец или в соседние кантоны, чтобы побудить их к дипломатическому заступничеству за гонимых.

Все это в значительной степени должно было содействовать охлаждению женевского населения. Небольшое вначале число противников Кальвина, считавших нужным скрывать свои настоящие чувства ввиду всеобщего энтузиазма, постепенно начинает возрастать. Оппозиция становится смелее, ропот народа “на духовенство и французов” – все громче. Кальвин ясно видит надвигающуюся опасность. Но еще менее, чем в первый раз, он готов пойти на какие-нибудь уступки. Начинается долгая ожесточенная борьба с оппозицией, которую он окрестил словом “либертинизм”.

Что представляют собою эти либертины?

Если верить Кальвину, который еще в 1544 году написал сочинение “Против фантастической и яростной секты, именующей себя “духовными либертинами”, – это были люди, стремившиеся соединить идеи пантеизма с самым грубым материализмом. По их учению, существует лишь единая Божественная субстанция, которая проявляется во всех творениях, и таким образом все, что создано, происходит от божества и есть само божество. Бог есть все – и материя, и дух, поэтому все божественно: нет ни ангелов, ни дьяволов, нет ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи. Евангелие божественно, но на таком же основании, как и всякая другая доктрина. Все

земные блага должны быть общою собственностью, потому что все существующее принадлежит мне, составляющему часть этого общего мирового тела, в такой же степени, как и той части его, которую я считаю отдельным от меня существом.

Очевидно, это была одна из разновидностей тех многочисленных сект, которые расплодились в эпоху Реформации в Германии, Швейцарии и Нидерландах и известны были под различными названиями – анабаптисты, баптисты, антитринитари и т. п. У некоторых из сектантов эти теории соединялись с самой разнузданной безнравственностью, другие, напротив, проповедовали аскетический образ жизни. Приблизительно в то же время эти не только еретические, но и антихристианские идеи получили стройную систематизацию в учении Михаила Сервета.

Но действительно ли принадлежали все противники Кальвина, как он старается нас уверить, к этой религиозной секте, действительно ли они были все “духовными либертинами”?

Чтобы ответить на этот вопрос утвердительно, надо было бы не только безусловно доверять свидетельству Кальвина, который – совершенно искренне – клеймил безнравственностью малейшее отступление от установленной им дисциплины, а в людях, не согласных с его учением, видел представителей самых отвратительных ересей. Надо было бы, кроме того, совершенно упустить из виду, что, помимо всяких религиозных убеждений, женевцы имели достаточно оснований тяготиться игом французского проповедника и вздыхать по своему прежнему демократическому устройству.

Было, впрочем, одно обстоятельство, которое отчасти объясняет это огульное обвинение оппозиционной партии в приверженности вредным теориям сектантского пантеизма. Дело в том, что большинство противников Кальвина состояло из молодых людей, принадлежавших к лучшим женевским фамилиям. Веселые, легкомысленные, любящие удовольствия, они не хотели подчиниться его строгой дисциплине и, несмотря ни на какие штрафы и наказания, продолжали собираться в трактирах, предаваясь иногда буйному разгулу. Кальвин в своем раздражении дошел раз до того, что потребовал казни 700 – 800 непокорных юношей. Понятно, что эти люди всей душой ненавидели французского проповедника, отнимавшего у них свободу. Они осыпали его насмешками, устраивали ему враждебные демонстрации, давали его имя своим собакам и т. п. Может быть, некоторые из них и сочувствовали запрещенным идеям, отыскивая в них философское оправдание для своей легкомысленной жизни; но главным лозунгом либертинов, насколько

можно судить по их процессам, была свобода – свобода политическая и религиозная.

Как бы то ни было, эти либертины – политические или духовные – стремились свергнуть Кальвина, а вместе с ним и все его порядки, уничтожить плоды его реформаторской деятельности. В материале для борьбы не оказывалось недостатка. И борьба началась.

5 апреля 1546 года вся Женева была свидетельницей следующей сцены. Один из известнейших граждан города, Пьер Амо, в одной рубашке, с босыми ногами, с опущенным факелом в руке, обходил под конвоем весь город, останавливаясь на главных площадях, чтобы громко, на коленях, просить прощения за свои грехи. Вся вина Амо заключалась в том, что, ненавидя Кальвина за осуждение своей жены, он раз, за веселым ужином, в присутствии гостей, дал волю своему гневу: Кальвин, говорил он, все тот же епископ, только еще хуже прежних; учение его ложно, это злой пикардиец, тиран и т. д. Шпионы донесли об этом консистории, та передала Амо гражданским властям как богохульника, а совет присудил его к весьма значительному штрафу и публичному покаянию в зале совета. Но Кальвину этого показалось мало. В сопровождении всех проповедников и старейшин он явился в совет и потребовал более строгого наказания. Совет отменил прежний приговор и вынес новый.

Весть об этом осуждении вызвала в Женеве сильное волнение. На улицах, особенно в предместье, стали собираться толпы народа, громко осуждавшие самоуправство проповедника; раздавались даже крики: “Долой Кальвина, долой эмигрантов!”

Но Кальвин не дал разрастись волнению. Он пригрозил совету оставить город, и совет, испуганный перспективой потерять свою опору, велел на площади предместья поставить виселицу. Эта немая угроза подействовала. Народ разошелся по домам, и приговор над Амо был приведен в исполнение.

В числе самых горячих женевских патриотов, участвовавших в борьбе за независимость, были Франсуа Фавр и муж его дочери, Ами Перрен, занимавший должность главного начальника (*capitaine general*) женевских войск. Последний, как мы видели, принадлежал к числу тех, которые наиболее содействовали вторичному приглашению Кальвина. Но скоро ему пришлось горько раскаиваться в этом.

В одно прекрасное утро перед консисторией предстала целая толпа либертинов. Это были приглашенные на свадьбу, осмелившиеся накануне танцевать, несмотря на запрет. В числе их была жена Перрена и старик Фавр. Все они подверглись тюремному заключению на несколько дней, а

Фавр был наказан еще строже. Его обвиняли в том, что он отзывался непочтительно о Кальвине и об эмигрантах, говорил, что Женева порабощена, а когда его вели в тюрьму, не переставал кричать: “Свобода, свобода! Я дал бы тысячу талеров, чтобы добиться генерального собрания”.

Фавр просидел в тюрьме более трех недель и был выпущен только благодаря заступничеству Берна, помнившего его услуги городу. Но скоро и он и его дочь снова навлекают на себя обвинение в безнравственном поведении и осуждаются на изгнание. Перрена в это время не было в городе. Узнав об осуждении жены и тестя, Перрен приходит в ярость. Он врывается в залу совета и в гневных выражениях, пересыпая речь угрозами, упрекает членов в черной неблагодарности по отношению к людям, оказавшим столько услуг отечеству. Его, конечно, арестовывают, затевают целый процесс и в конце концов за тиранические замашки лишают звания “генерального капитана”.

Но у Перрена было много друзей. Народ также любил храброго, великодушного капитана, и весть о его заключении была встречена ропотом негодования. В “совете двухсот” большинство также склонялось на сторону Перрена; 16 декабря заседание совета было особенно бурное. Громадные толпы народа стояли на улице в ожидании приговора; раздавались громкие возгласы и угрозы против Кальвина. Последний узнает об этом и немедленно отправляется на место действия. При виде его крики усиливаются, кое-где даже обнажается оружие. Но Кальвин не теряет присутствия духа. Спокойно, решительно он вступает в середину бушующей толпы. “Я знаю, – восклицает он, – что вся эта борьба ведется из-за меня. Что же, если вам нужна кровь, пролейте мою; если хотят меня изгнать, то пусть изгоняют. Но попробуйте спасти Женеву без Евангелия!” И затем, воспользовавшись произведенным впечатлением, он обращается к народу с такою пламенной речью, что прежнее грозное настроение сменяется общим энтузиазмом, толпа расходится по домам, и Кальвин снова остается победителем.

Около этого же времени происходил другой известный процесс, где действительно можно найти следы того “духовного либертинизма”, в котором Кальвин обвинял всех своих противников.

27 июня 1547 года, в тот день, когда Фавр и Перрен были отведены в тюрьму, в соборе св. Петра найдена была прокламация, написанная на простонародном наречии и заключающая в себе угрозы против проповедников. Подозрение пало на некоего Грюэ. При обыске, сделанном у него, никаких следов его авторства не оказалось, но зато у него найдены

были другие компрометирующие бумаги – черновые заметки, написанные рукою Грюэ. В них говорилось, например, что бессмертие души басня, осмеивалось Св. Писание, Кальвин назван комедиантом, который хочет занять место папы; кроме того, найден был набросок воззвания к народу, где автор утверждает, что закон должен наказывать только преступления против государства и прав граждан, найден был также набросок письма к савойскому герцогу. Этого было достаточно. “Я не думаю, – писал об этом Кальвин, – чтобы Грюэ сам выдумал эти ужасы; по всей вероятности, он списал их. Но он писал это и будет осужден”. В течение месяца несчастного Грюэ подвергали ежедневно самым варварским пыткам, чтобы выведать от него, кто были его сообщники, и, наконец, ничего не добившись, “принимая во внимание, что посягающий на существующий порядок не только словом, но и помыслами заслуживает смерти”, присудили его только за одни черновые наброски никогда не опубликованных идей к смертной казни. 26 июля 1547 года истерзанный, полумертвый от пыток Грюэ взошел на эшафот.

В таком роде были и некоторые другие процессы. Борьба продолжалась, то ослабевая, то разгораясь, но была она чисто партизанской. Либертины, в сущности, не предпринимали ничего решительного. Они только дразнили Кальвина, выводили его из себя своим презрением к его нововведениям, осыпали насмешками. Кальвин усиливал свои строгости, штрафовал, отлучал их; некоторые, наиболее дерзкие, платились еще больше. Но оппозиция от этого нисколько не ослабевала. Одно время (1552 – 1554 годы) даже казалось, что победа готова перейти на сторону либертинов. Перрену удалось быть выбранным в синдики, в совет также попало несколько членов оппозиции, и либертины, во главе которых стоял молодой Бертелье, сын знаменитого женевского патриота, решились действовать энергично. Они потребовали, чтобы совет перестал раздавать право гражданства французским эмигрантам, которые, как известно, были главной опорой Кальвина, и Перрену действительно удалось добиться против них некоторых ограничительных мер; другое, еще более важное требование либертинов заключалось в том, что право церковного отлучения должно быть отнято у консистории и передано совету. Положение становилось критическим. Предложение либертинов было заманчиво, и совет обнаруживал сильное расположение присвоить себе право отлучения. Кальвину снова пришлось прибегнуть к своей обычной угрозе. На этот раз не только он, но и все проповедники объявили о своем намерении покинуть Женеву, и снова совет, не считая возможным обойтись без них, решил пожертвовать этим одним правом, чтобы спасти остальные. Вопрос о

церковном отлучении был решен в пользу консистории.

Либертинам оставалось последнее средство – созвать во что бы то ни стало, без ведома синдиков, генеральное собрание, которое, как они надеялись, выскажется в их пользу. Но Кальвин был предупрежден вовремя. За несколько дней до назначенного заговорщиками срока на улице произошла стычка между ними и приверженцами реформатора. Либертины были смяты, их обвинили в мятеже, и в мае 1555 года девятилетняя борьба была закончена. Бертелье и еще трое патриотов погибли на плахе, Перрену и другим вожакам удалось бежать; остальные либертины были изгнаны, имущества их конфискованы, и под страхом смертной казни запрещено было хлопотать об их помиловании.

С тех пор Кальвин не встречал больше оппозиции: Женева осталась за ним.

В течение этого девятилетнего периода Кальвину приходилось бороться не с одной только враждебной частью женеvского населения. Из среды самого духовенства не раз поднимались проповедники, не соглашавшиеся с тем или другим пунктом его учения. Но Кальвин, считавший необходимым для блага Женевы настаивать на исполнении самых мелких предписаний своей церковной дисциплины, конечно, не мог делать уступок в своем учении, вводить таким образом раскол в собственной церкви. Это был самый тяжелый период его жизни. Со всех сторон на воздвигнутое им здание производились нападения, ему приходилось отбиваться на всех пунктах. И реформатор отстоял свое дело с поразительной энергией, но и с поразительной жестокостью.

Бользек, отвергавший его догмат о предопределении, Касталион, толковавший иначе, чем он, некоторые места в Евангелии, Гентилис, дававший другое объяснение догмату о троичности, – все эти люди, засвидетельствовавшие свою преданность реформации многочисленными жертвами, подвергались изгнанию, преследовались в печати, клеймились иногда самыми несправедливыми обвинениями. Кальвин не обращал никакого внимания на прежние заслуги; достаточно было ничтожного противоречия, чтобы во вчерашнем друге он увидел уже врага. “Я согласен быть скорее папистом, чем Касталионом”, – говорил он про человека, безусловно преданного реформации, но осмелившегося утверждать, что Соломонова Песнь Песней представляет только лирическое произведение поэта, – про человека, который, может быть, один из всего остального женеvского духовенства стоял на высоте своего призвания и в XVI веке отличался широкою терпимостью XIX. Касталион был единственный человек, осмелившийся громко протестовать против казни Сервета.

Процесс Сервета принадлежит к числу тех, которые, выставя в ярком свете всю нетерпимость реформатора, еще ярче отражают варварство самой эпохи. Эта позорная страница в истории того учения, которое, выставив вначале на своем знамени принцип свободы совести, право человеческого ума на самостоятельное исследование истины, очень скоро отреклось от этого знамени и стало подавлять своих противников теми же средствами, как и старая церковь.

Михаил Сервет родился в один год с Кальвином в Арагонии. Благодаря своим блестящим способностям, он еще в 14 лет получил место секретаря у духовника императора Карла V, что дало ему возможность много путешествовать. Сервет обладал необыкновенно обширными сведениями – знал право, медицину, теологию, математику, географию. При этом он отличался беспокойной, непоседливой натурой, переезжал с места на место, менял профессии, всюду внося новые вопросы, раздражая рутинеров. Но более всего его интересовали богословские вопросы. Познакомившись с учением реформаторов, он пришел к заключению, что они остановились на полдороге, что истинное христианство, во всей его первоначальной чистоте, можно найти только у тех отцов церкви, которые жили до Никейского собора (325 год), и что догмат о троичности чужд этому первобытному христианству. Уже в 1531 году он издал в Гагенау сочинение “De trinitatis erroribus”, в котором резко опровергал этот догмат. Сочинение наделало много шума и возбудило негодование как католиков, так и протестантов. Сервету пришлось бежать из Германии и некоторое время скитаться во Франции под вымышленным именем. В 1534 году, находясь в Париже вместе с Кальвином, он вызвал последнего на публичный диспут, но потом почему-то раздумал; в 1537 году он читал здесь лекции по географии, математике и астрологии, навлек на себя осуждение парламента и затем поселился сначала в Лионе, а потом во Вьенне, в качестве врача.

Здесь он живет некоторое время спокойно, любимый всеми за свой благородный, великодушный характер, за участие к бедным. Но скоро слухи об успехах Кальвина снова заставляют его приняться за теологию. Он вступает с Кальвином в переписку, старается обратить его к своим взглядам и в 1546 году посылает ему рукопись своего нового сочинения, “Christianismi restitutio”, которое представляет полное изложение его учения. Это какое-то странное соединение пантеистического учения анабаптистов с учением Евангелия. Догмат о троичности отвергается решительно: Христос – простой человек, в котором воплотился божественный разум; христиане, поклоняющиеся Троице, – трехбожники.

Тон сочинения какой-то мистический; автор применяет к себе апокалипсические предсказания и выражает твердое убеждение, что все другие реформаторы должны ему подчиниться.

Прочитав рукопись, Кальвин был возмущен и в письме к Вире выразился, что если Сервет попадет в Женеву, то живым оттуда не выйдет; в то же время он прекратил с ним всякие сношения. Но Сервет не обратил на его гнев никакого внимания и через некоторое время напечатал свое сочинение в большом количестве экземпляров, которые были разосланы в разные места; несколько экземпляров было послано и в Женеву.

Появление еретической книги вызвало всеобщее негодование. Начались розыски, кто ее автор, но Сервет благоразумно не выставил на сочинении ни своего имени, ни названия типографии, и дело заглохло бы, если бы секретарь Кальвина не написал во Вьенну своему родственнику, указывая прямо на Сервета как на автора. Когда же этого оказалось недостаточно, секретарь прислал его собственноручные письма к Кальвину, где проводились те же взгляды, что и в анонимном сочинении. улики, таким образом, были налицо. Сервет был арестован; против него начат процесс, во время которого ему удалось, однако, бежать; уже в его отсутствие вьеннский архиепископ присудил его к сожжению.

Кальвин уверял впоследствии, что компрометирующие письма были посланы без его ведома, но сам секретарь писал родственнику, что ему, хотя и с большим трудом, удалось выпросить их от Кальвина.

Счастливо избежав рук католической инквизиции, Сервет решил поселиться в Неаполе, чтобы заняться там медициной, и после трехмесячного скитания попал проездом в Женеву.

Неизвестно, какие именно причины задержали его тут. В то время борьба с либертинами была в самом разгаре и клонилась не в пользу Кальвина. Возможно, что именно это и побудило его остаться. Как бы то ни было, Сервет застрял в Женеве на целый месяц и когда наконец 13 августа 1553 года собирался уже уехать, Кальвин, открывший его пребывание, указал на него магистрату, который велел его немедленно арестовать.

С тех пор активное участие Кальвина в осуждении Сервета является несомненным. Он сам выступает его обвинителем, старается все более и более запутать его во время допросов, не позволяет ему дать защитника. Тем не менее в совете было несколько людей, которые хотели спасти Сервета, в том числе Ами Перрен. Совет решил поэтому выслушать мнения других швейцарских кантонов и отказал вьеннскому архиепископу, потребовавшему выдачи осужденного.

Но пока был получен ответ от швейцарских кантонов, положение

Сервета было самое ужасное. Он жаловался совету, что содержится в отвратительной яме, что одежда на нем распадется на куски, просил послать ему хотя немного белья. Но все эти жалобы оставались без последствий. Тогда Сервет пришел в отчаяние. В лихорадочном возбуждении он пишет совету письмо за письмом, просит передать его дело “совету двухсот”, выставляет обвинения против Кальвина, требуя предания его суду как еретика. Все это, конечно, также оставляется без последствий, и, получив ответ кантонов, единогласно высказавшихся против Сервета, совет (25 октября) присуждает его к сожжению.

Остальные подробности процесса еще более возмутительны. Ни Кальвин, ни Фарель, приехавший специально в Женеву, чтобы присутствовать при казни еретика, не выказали ни малейшей жалости к нему. Сервет до последней минуты не знал, что его ждет костер вместо плахи, и когда, приведенный на место казни, увидел ужасные приготовления, то в первые минуты совершенно обезумел от отчаяния. Фарель, сопровождавший его в качестве духовника, не сказал ему ни слова в утешение и только возмущался тем, что несчастный, несмотря на все свое отчаяние, не соглашается отречься от ереси, чтобы добиться смягчения наказания.

Сервет, обложенный со всех сторон дровами, с венком из соломы на голове, погиб настоящим мучеником за свои убеждения. Протестанты, очевидно, не хотели уступить католикам в искусстве подавлять ереси.

Сожжение Сервета (Рисунок из книги Г. Тиссандье “Мученики науки”)

Казнь Сервета, как мы уже сказали, легла неизгладимым позорным пятном на деятельность реформатора. Сервет был иностранец, он не проповедовал в Женеве, его книга даже не была напечатана в Женеве. Кальвин мог, по крайней мере, предоставить печальное право наказать еретика осудившим его католикам. Но, тем не менее, несправедливо было бы свалить на него одного всю вину этого осуждения. Кальвин выступил в духе своего времени. И швейцарские кантоны, и Фарель, и Бусер – все они требовали казни Сервета. Даже кроткий Меланхтон и тот безусловно оправдывает поведение Кальвина, освободившего церковь от этого “богохульника”. Костер, на котором погиб Сервет, не был делом одного только реформатора: он был сложен фанатизмом и жестокостью всего XVI

столетия.

Глава X. Кальвин дома и на кафедре

Внутренняя жизнь Кальвина. – Семейные испытания; смерть Иделетты. – Трудолюбие его: лекции, проповеди и литературные произведения. – Корреспонденция Кальвина

Падение партии либертинов окончательно упрочило торжество нового порядка вещей, торжество новой Женевы, Женевы Кальвина и эмигрантов, над старой Женевой. С тех пор население города, наполовину уже состоявшее из новых элементов, окончательно подчиняется воле реформатора. Женева сознательно принимает на себя роль, предназначенную ей последним, – она становится центром реформационного движения, столицей протестантского мира.

Но прежде чем перейти к этому последнему, также девятилетнему периоду деятельности Кальвина, мы должны сказать несколько слов о его внутренней жизни, взглянуть на ту арену, на которой совершалась эта продолжительная, мелкая по своим проявлениям, но грандиозная по своим последствиям борьба с женевскими патриотами. Отчасти в особенностях этой борьбы кроются причины той мелочной мстительности и жестокости, которые не могут быть объяснимы даже его принципиальной нетерпимостью и беспощадными теориями.

В самом деле, этот могучий диктатор, к словам которого благоговейно прислушивалась вся протестантская Европа, в самой Женеве, несмотря на свое громадное влияние, должен был чувствовать себя как бы в осадном положении.

Вот он читает перед многочисленной аудиторией свои знаменитые лекции по теологии. Вокруг его кафедры с напряженным вниманием теснятся многочисленные слушатели. Многие из них – иностранцы, приехавшие издалека почерпнуть учение из самого его источника; это – уже известные проповедники, явившиеся укрепить свой дух в беседах с реформатором; это – будущие миссионеры, будущие мученики. Вдруг с улицы раздается громкий крик, смех, свистки: либертины устраивают реформатору демонстрацию. Тихий, прерывающийся голос ученого смолкает, и вслед за тем Кальвин разражается гневной обличительной речью. Подобные сцены повторялись очень часто, все сильнее раздражая этого и без того раздражительного, болезненного человека. Либертины, как мы уже говорили, не были опасными противниками. Но эти непрерывные мелкие враждебные демонстрации, этот партизанский характер борьбы

сообщали ей более непримиримый характер, чем более крупные массовые сопротивления. Редкий день в жизни реформатора проходил спокойно. Когда он идет по улице, его из-за угла встречают свистками. Собака бросается ему под ноги. Хозяин с притворною заботливостью кричит: “Кальвин!”, и собака ворчливо отходит, потому что это ее кличка. Реформатор идет дальше, и его откуда-то окликают, но при этом его имя произносится так, что слышится “Каин”. На мосту, по которому ему приходится проходить, несколько повес, притворившись рассеянными, чуть не опрокидывают его. По вечерам, когда он весь поглощен своей работой, под окном его какой-нибудь напившийся либертин вдруг начинает распевать неприличную песенку. Его проповеди прерываются насмешливыми замечаниями, гримасами. Эти люди, веселые, легкомысленные, ненавидящие сурового проповедника, идут в тюрьму, платят штрафы, должны совершать публичные покаяния, но вслед за тем они снова принимаются за прежнее, не давая своему противнику ни минуты покоя.

Девять лет, как мы видели, продолжалась эта борьба. В продолжение девяти лет реформатор переживал состояние человека, находящегося накануне изгнания. Стоило ему только утратить большинство в совете, и – казалось – все воздвигнутое им здание рухнет. Эти постоянные мучительные ощущения выводили его из себя, вызывали у него приливы ярости, под влиянием которых он мог во время проповеди потребовать казни 700 женеvских юношей, заставляли его настаивать на наказании своих личных обидчиков, придавали его печатной полемике страстный, крайне невозддержный тон. Подчас даже на этого сильного человека, не останавливавшегося ни перед какими опасностями, находили минуты полного изнеможения. “Лучше было бы для меня, – писал он в 1555 году, – быть сожженным папистами, чем беспрестанно подвергаться этой пытке. Только одно удерживает меня на этой суровой службе: надежда, что смерть скоро принесет мне избавление”. Кальвин – и этого никогда не следует забывать для верного понимания его личности – совершенно искренно видел в своих тиранических замашках лишь усердие в служении Богу. Быть снисходительным к несогласным с ним мнениям он считает себя не вправе. “Ведь и собака лает, когда нападают на моего божественного господина” – вот один из его обычных аргументов в оправдание своей нетерпимости.

Семейная жизнь Кальвина также подвергалась частым испытаниям. Иделетта родила ему троих детей, но все умирали скоро после рождения. Кальвин покорно принимал эти удары. “Бог дал, Бог взял, – писал он друзьям. – Пускай мои враги видят в этом наказание Божье; разве у меня

нет тысяч детей в христианском мире?” Ко всему этому присоединилась еще долгая, изнурительная болезнь Иделетты, закончившаяся ее смертью в апреле 1549 года. Письма Кальвина обнаруживают в этом сухом, скупом на излияния человеке глубокую нежность к его умершей подруге. “Я потерял, – пишет он Вире, – кроткую спутницу моей жизни, ту, которая никогда не покинула бы меня, ни в изгнании, ни в нищете, ни даже в смерти. В течение всей своей жизни она была для меня драгоценной опорой... она никогда не думала о себе, не доставляла мне никаких хлопот. Я стараюсь по возможности сдерживать свою скорбь. Друзья помогают мне, но мы плохо успеваем. Ты знаешь нежность моего сердца, чтобы не сказать его слабость. Я сломился бы, если бы не делал над собой усилий”.

И, действительно, Кальвин мужественно боролся со всеми постигавшими его ударами. Кто увидал бы его на другой день после похорон на кафедре, в совете, ни в чем не изменившим порядку своего рабочего дня, тот мог бы подумать, что у него совершенно нет сердца. Но это обвинение в полнейшем бессердечии, так часто раздающееся из враждебного реформатору лагеря, вряд ли вполне справедливо. При всей своей сухости он не был недоступен для дружбы, и беспредельная преданность его друзей была бы совершенно необъяснима, если бы отношения к ним самого Кальвина были лишены всякой сердечности.

Трудолюбие Кальвина положительно кажется невероятным. Пробегаю длинный список его сочинений, относящихся к самому тревожному периоду его жизни, нельзя не проникнуться глубоким удивлением к этому железному прилежанию, к этой неослабевающей деятельности духа, заключенного в такую хрупкую оболочку. Производительность Кальвина как писателя была бы изумительна даже в том случае, если бы он одновременно не был и дипломатом, и законодателем, и проповедником, и профессором. Мы видели уже, какую преобладающую роль он играл во всех светских и церковных делах Женевы, как наряду с самыми важными вопросами он разрабатывал мельчайшие детали городского управления. Совет ничего не предпринимает без его ведома. Частные лица также беспрестанно обращаются к нему за советами, за разрешением недоразумений. Через неделю он проповедует ежедневно, иногда даже по несколько раз в день. Три раза в неделю он читает лекции по богословию; председательствует на еженедельных собраниях консистории и конгрегации, навещает больных в качестве пастора и заведует делами благотворительности. Дома его уже ждет громадная корреспонденция из всех стран Европы: тут и дружеские послания, и жалобы, и донесения, и богословские консультации – Кальвин отвечает на все немедленно.

Наступает ночь и застаёт его за непрерывной работой. Ему совершенно достаточно трех часов сна. Но и этот короткий отдых не всегда ему дается. Сильнейшие головные боли, лихорадки, различные болезни нередко лишают его сна, не дают ему даже подняться с постели. Но работа от этого не прекращается. Если это свободный от проповеди день, ему приносят книги, и он в кровати пишет или диктует своему секретарю. Иногда его на носилках уносят в церковь, и он прерывающимся от слабости и одышки голосом произносит свои проповеди, которые тут же записываются некоторыми слушателями. Затем, вернувшись домой, он продолжает работу, с нечеловеческой энергией побеждая страдания своего тела. В одном из писем к Фарелю (14 июня 1552 года) мы читаем описание одного из его рабочих дней: “Право, я давно уже не запомню такого тяжелого дня. Вместе с этим письмом посланец должен унести начало моего труда: 20 страниц корректуры, мои лекции, проповедь, четыре послания, примирение враждующих сторон, десять человек, ожидающих моих советов! Надеюсь, ты простишь мне, если я буду краток”.

Перечислять все труды Кальвина было бы слишком долго. Это целая библиотека, состоящая из сочинений самого разнообразного содержания: тут и комментарии ко всем почти книгам Св. Писания (особенно замечательны его комментарии к посланиям ап. Павла и к Псалмам с предисловием, заключающим в себе краткую автобиографию реформатора), пользующиеся и теперь глубоким уважением протестантской церкви, тут и полемические сочинения, и политические памфлеты, и трактаты научно-богословские. Многие из проповедей, записанных во время чтения его учениками, изданы. До трех тысяч рукописных проповедей и лекций хранится в женевской и цюрихской библиотеках. Кальвин не имел времени готовиться к ним. В храме или в академии он всегда импровизировал. Он брал какой-нибудь текст из комментируемой им книги Св. Писания и объяснял его в ясных и простых выражениях, лишенных увлекательного красноречия Лютера, но изумлявших своей глубиной. Писал он также с удивительной легкостью. По большей части он диктовал свои работы, которые почти всегда оставались в своем первоначальном виде, такими, какими вышли прямо из-под пера. Кальвин обладал необыкновенною памятью. Прерванный на середине фразы каким-нибудь неотложным делом и, по прошествии нескольких часов, вернувшись к работе, он мог продолжать ее на прерванном слове. Благодаря этой особенности ему не приходилось тратить время на то, чтобы собираться с мыслями; он редко даже нуждался в справках, так как сохранял в памяти невероятное количество текстов.

Корреспонденция также требовала много времени. Сохранилось несколько тысяч его писем, из которых значительная часть адресована Фарелю. Но, конечно, найденное представляет только часть его корреспонденции: многие письма утеряны или еще не разысканы. Содержание писем, иногда представляющих своего рода богословские трактаты, самое разнообразное. Но главным образом эта корреспонденция служила могущественным орудием его пропаганды, его духовного воздействия на протестантский мир.

Глава XI последние годы Кальвина

Женева становится столицей протестантского мира. – Влияние Кальвина в Польше, Англии, Шотландии и Нидерландах. – Успехи кальвинизма во Франции. – Смерть реформатора. – Заключение

Однажды один французский эмигрант, приведенный в восторг зрелищем строгой религиозности и порядка, которое представляла Женева, воскликнул: “Что за счастье пользоваться такой чудной свободой!” – “Хороша свобода! – насмешливо возразила его собеседница. – Прежде нас заставляли ходить к обедне, а теперь принуждают слушать проповедь...”^[5]. И в сущности каждый из них был прав.

Действительно, если женевский патриот старого закала не мог не считать новый железный порядок своего рода порабощением, то, с другой стороны, людям, принужденным покинуть родину из-за религиозных убеждений, этот город, где можно было беспрепятственно служить Богу по евангельскому учению, должен был казаться истинным убежищем свободы.

Но Женева представляла гораздо больше, чем простое убежище для эмигрантов. Реформатор, первоначально избравший ее местом своей деятельности лишь против воли, теперь уже вполне уяснил себе значение этого города для дела пропаганды. Он сделал его оплотом реформации, ее духовным центром, настоящим протестантским Римом. В 1559 году Кальвину удалось осуществить свою заветную мечту – устроить академию, высшее богословское заведение для подготовки проповедников, которые могли бы продолжать его дело и после его смерти. Ректором академии и основанной при ней коллегии для подрастающего поколения он назначил своего друга и позднейшего биографа Беза. Но в сущности при жизни реформатора недостаток академии вовсе не был ощутителен. Его лекции, на которых иногда присутствовало до тысячи слушателей, его проповеди, самый характер жизни в Женеве – все это имело громадное воспитательное значение. В этом “городе духа”, воплотившем в себе идеал реформатора, приезжие быстро проникались его идеями. В его суровой школе вырабатывались те мощные борцы, которые, наперекор усиливающимся гонениям, при зареве все сильнее разгорающихся костров, бесстрашно проповедовали Евангелие католическим народам. В типографиях Женевы десятками тысяч отпечатывались протестантские книги, и смелые разносчики, рискуя на каждом шагу жизнью, разносили их по Франции. Новое значение Женевы было очевидно для всех, – как протестантов, так и

католиков. Еще в 1543 году Меланхтон возлагал на нее надежды реформации, на тот случай, если, как тогда можно было опасаться, Германия будет покорена турками. После смерти Лютера Кальвин сделался признанным главою протестантского мира, и значение Виттенберга перешло к Женеве. Сквозь надвигавшийся мрак католической реакции эта маленькая община, точно чудом успевавшая сохранить свою независимость и свободу Евангелия, светила протестантам, как спасительный маяк. В самом деле, положение Женевы было беспримерное. Окруженная со всех сторон католическими державами, смотревшими с ненавистью на этот рассадник еретического учения, она постоянно находилась на краю гибели. В 1560 году участь ее, казалось, была решена. Папа набросал целый план кампании, чтоб разрушить до основания это гнездо еретиков. Короли французский и испанский, герцог Савойский должны были напасть на нее с трех сторон; папа также давал подкрепления. Даже в случае поддержки швейцарских кантонов Женева погибла бы, если б не своекорыстие союзников. Никто не хотел завоевать ее для другого, и таким образом она уцелела. Но несмотря на угрожавшую со всех сторон опасность, Женева, руководимая Кальвином, не думала прекращать своей пропагандистской деятельности. Она сохраняла свой независимый тон по отношению к католическим государствам, смело заступалась за гонимых, открывала им самое широкое гостеприимство и не переставала рассылать своих миссионеров для проповеди нового учения.

И действительно, те же ворота, ежедневно принимавшие новые толпы беглецов, ежедневно раскрывались также, чтобы выпускать тех, которые, укрепив свой дух в общении с реформатором и снабженные его советами, снова устремлялись в бой. Из Италии и Франции, из Англии, Венгрии и Польши – отовсюду стекались в Женеву приверженцы реформации, чтобы видеть воочию ее образцовые порядки, чтобы услышать проповедь того, кто почитался всеми хранителями чистого учения и под влиянием которого они проникались неукротимым религиозным пылом, настоящей жаждой мученичества. Сам Кальвин, обыкновенно смотревший на это усердие как на самое обыкновенное явление, в одном письме обнаруживает невольный энтузиазм при виде своей боевой дружины. “Это невероятно, – пишет он Буллингеру (май 1561 года), – с каким усердием наши друзья посвящают себя распространению Евангелия. Как другие теснятся вокруг папы, чтобы получить выгодное место, так они рвутся взять на себя крест. Они осаждают мою дверь, чтобы получить часть нивы для возделывания. Ни один король не имеет таких усердных придворных, как я. Они оспаривают друг у друга опасные посты. Я иногда стараюсь удержать их. Я указываю

им на жестокий эдикт, повелевающий истреблять все дома, придерживающиеся нового культа. Я напоминаю им, что более чем в двадцати городах верующие были перебиты чернью. Но ничто не может их удержать”.

Это была страшная, кровавая пора. Почти во всех странах Западной Европы велась религиозная борьба. Везде лилась кровь, дымились костры. Но особенно свирепствовала тогда реакция во Франции. Единичных преследований и казней было недостаточно; истребления еретиков производились массами. В 1545 году три города и 22 деревни, населенные вальденцами, были разрушены; тысячи людей умерщвлены в битве, казнены, сожжены. Ежедневно почти в каком-нибудь городе Франции зажигался костер для гугенота. Но успехи реформы от этого еще усиливались. Кальвин следил за движением с зоркостью полководца. Он укреплял дух своих единомышленников своими посланиями, отправлял к ним своих учеников в качестве проповедников, и мужчины и женщины с энтузиазмом всходили на костер, радуясь своему мученичеству как особой милости неба и благословляя Кальвина, пославшего их на этот подвиг. В 1553 году один из таких мучеников, находясь в тюрьме, с восторгом пишет реформатору: “Уведомляю вас этим письмом, что к Троице я надеюсь быть в Царствии небесном, если только Господь раньше не призовет меня к себе”. “Morituri te salutant!”^[6] – писали Кальвину другие мученики. Впрочем, Кальвин не только заботился о том, чтобы его приверженцы своею смертью засвидетельствовали истину учения. Утешая арестованных своими посланиями, внушая им мужество умереть за свои убеждения, он в то же время не переставал заботиться об облегчении их участи. Он хлопотал перед швейцарскими кантонами и протестантскими князьями в Германии, чтобы они заступились дипломатическим путем за гонимых, собирал для них деньги, составил для Генриха II от имени французских протестантов исповедание веры, чтобы доказать нелепость обвинений, возводимых на них католиками. Последние девять лет его жизни благодаря спокойствию, наступившему в Женеве после поражения оппозиционной партии, были главным образом посвящены делу пропаганды и организации протестантских церквей. Распространяться об этом периоде жизни реформатора мы не можем. Его история за это время есть вместе с тем и история реформации после смерти Лютера. Ни одно крупное событие в религиозной жизни Западной Европы не совершилось без его прямого или посредственного участия. Это была самая блестящая эпоха в жизни реформатора. Несмотря на страшные преследования, кальвинизм распространялся с поразительной быстротой; протестантские церкви,

возникавшие одна за другой, обращались к нему как к своему главе, просили о выработке организации, о присылке проповедников.

Генрих II, король Французский. С гравюры Николая Беатризе, 1556 г.

Кальвин особенно заботился о единстве церкви. Своими многочисленными сочинениями полемического характера он старался уничтожить раскол, возникавший в среде протестантских теологов; в 1556 году он даже сам предпринял путешествие во Франкфурт, чтобы устранить несогласия, возникшие в его церкви; ему удалось также добиться соглашения между всеми швейцарскими церквями, из которых некоторые еще придерживались учения Цвингли. Заботясь о распространении своего учения в народе, Кальвин в то же время не теряет надежды произвести

религиозную революцию сверху. С особенною любовью он поддерживает сношения с высшими классами, обращается к государям и правителям, стараясь склонить их на свою сторону. Не было почти ни одного коронованного лица или выдающегося деятеля, с которым он не находился бы в переписке. Часто для завязывания сношений он пользуется посвящениями своих сочинений. Так, например, он посвящает королю датскому Христиану свой комментарий к апостолам, Густаву Вазе Шведскому – свой комментарий к двенадцати малым пророкам. В Польше, где учение Кальвина с самого начала имело больше успеха, чем проникнутое национальным духом лютеранство, он поддерживал деятельную переписку с многими вельможами, приверженными к реформации, в том числе с князем Радзивиллом и Тарновским, краковским воеводой. Он обратился также с воззванием к королю Сигизмунду II Августу, убеждая его стать во главе реформации, и, ободренный ответом короля, не переставал действовать на него в том же духе. Известный польский реформатор Ян Ласский также был приверженцем его учения. В Англии Кальвин вдохновлял герцога Сомерсета, регента и воспитателя Эдуарда VI, писал отеческие наставления юному королю, переписывался со знаменитым архиепископом Кранмером. Все они были горячо преданы его идеям, и церковная организация и дисциплина Кальвина стали быстро вытеснять полупротестантскую реформацию Генриха VIII. Но Эдуард VI умер на шестнадцатом году, а его преемница Мария своими преследованиями протестантов вполне оправдала свой эпитет “кровавой”. С тех пор между Англией и Женевой завязываются еще более оживленные сношения. Английские изгнанники во множестве находят убежище в Женеве и по воцарении Елизаветы снова устремляются туда проповедовать Евангелие. Знаменитый шотландский реформатор Джон Нокс, принужденный покинуть родину, живет некоторое время в Женеве, под влиянием Кальвина возвращается туда еще более пламенным проповедником его учения и скоро увлекает за собою всю Шотландию. Ученики Кальвина успешно подвизаются также в Нидерландах.

Но главные и непосредственные заботы реформатора были устремлены на Францию. В числе его приверженцев и корреспондентов были такие лица, как король и королева Наваррские, принц Конде, адмирал Колиньи и другие. Мы уже видели, какое влияние он имел на герцогиню Феррарскую, с которой не переставал переписываться до конца своей жизни и которая, поселившись после смерти мужа во Франции, оставалась верна его учению, несмотря на все преследования своих родственников. Благодаря этой поддержке высших классов успехи реформации, несмотря

на массовые истребления еретиков, нисколько не ослабевали. В 1559 году в Париже тайно собрались представители одиннадцати протестантских церквей Франции, образуя первый национальный синод, на котором был принят выработанный Кальвином проект синодального устройства церкви. Благодаря полученной организации число протестантских общин разрасталось с поразительной быстротой, и в 1561 году Колиньи насчитывал их уже более двух тысяч. Можно было ожидать, что скоро вся Франция примкнет к новому учению.

Умирая, реформатор имел поэтому полное право оглянуться с чувством удовлетворения на свое дело, говоря: “Бог дал свое благословение моей работе”.

Кальвин умирал уже давно. Беспрецедентная напряженная деятельность подточила его и без того слабое здоровье. В 40 лет реформатор казался уже дряхлым сгорбленным стариком; только глаза его сохраняли свой обычный юношеский блеск, а неутомимость в работе как будто еще усиливалась. В 1559 году, страдая жестокой лихорадкой, он сам наблюдал за возведением укреплений в защиту от грозившего нападения савойского герцога. С тех пор его физическое состояние сильно ухудшилось. К сильнейшей мигрени, которою он страдал еще с детства, присоединилось кровохарканье, одышка, подагра и всевозможные другие болезни, часто приковывавшие его надолго к постели. А в это время он руководил судьбами Европы и, преодолевая силою воли свои страдания, диктовал секретарю целый ряд произведений, не уступающих по ясности и энергии мыслей произведениям предыдущей поры. Но с середины 1563 года близость роковой развязки стала очевидной. Несмотря на советы врачей, Кальвин не переставал читать лекции и проповедовать, что было для него безусловно вредно. Наконец 6 февраля 1564 года, во время проповеди, сильный приступ кашля заставил его остановиться – рот его наполнился кровью, и его унесли домой. С тех пор он больше не появлялся на кафедре.

Страдания больного были ужасны. Иногда он по несколько дней подряд не принимал пищи и только с трудом проглатывал немного воды. 10 марта совет приказал во всех церквях молиться “за здоровье господина Кальвина, находящегося в смертельной опасности”. Эта продолжительная агония тянулась почти четыре месяца. Кальвин сносил свои страдания без жалоб и даже в минуты сравнительного облегчения продолжал работать, отвечая на все увещания друзей, моливших его беречь себя для блага церкви: “Разве вы хотите, чтобы Бог, когда пошлет за мной, не застал меня за работой?”

В Пасху (2 апреля) больной велел отнести себя в церковь и принял

причастие из рук Беза. В конце того же месяца он выразил желание проститься с членами совета и проповедниками, и те, узнав об этом, в полном составе по очереди явились к нему на квартиру. И тех, и других реформатор увещевал не терять мужества, несмотря ни на какие испытания, строго исполнять свои обязанности и защищать всеми силами чистоту учения. В то же время он просил у всех прощения за свои ошибки, говоря, что болезнь иногда делала его раздражительным, гневным, несправедливым.

Вся Женева с глубоким участием следила за ходом болезни своего пастыря. Семидесятишестилетний Фарель, не послушавшись Кальвина, приехал из Невшателя, чтобы увидеть его в последний раз. Беза также не отходил от его постели и с глубоким чувством описал потом его последние минуты. Смерть медленно парализовала один орган за другим. В последние дни Кальвин лишь с трудом мог бормотать слова молитвы, и только взгляд, по-прежнему живой, блестящий, говорил о том, что сознание до конца не покидало это разрушавшееся тело. Наконец 27 мая 1564 года, в 8 часов вечера, его не стало. “В этот день, – говорит Беза, – вместе с закатившимся солнцем погасло и самое блестящее светило церкви”.

Смерть Кальвина доказала неосновательность одной из многочисленных клевет, распространявшихся про него врагами. Еще 26 апреля он составил завещание, в котором отказал своим племянникам, детям своего любимого брата Антуана, свое скромное имущество, состоявшее из книг и предметов домашнего обихода и оцененное им приблизительно в 220 талеров. Несмотря на значительное содержание, назначенное ему советом, и на частые подарки его, Кальвин только с трудом сводил концы с концами. Личные его потребности были более чем скромные, но за его столом было всегда много приезжих, а кошелек всегда был открыт для нуждающихся эмигрантов. Во время своей последней болезни Кальвин даже отказался принять жалованье за последнюю треть, так как, не будучи в состоянии исполнять своих обязанностей проповедника, не считал его заслуженным. Тем не менее враги продолжали при жизни обвинять его в корыстолюбии и роскошной жизни. Однажды один знатный иностранец, проездом, постучался в двери его скромного домика. Это был Садолет. Он ожидал, по слухам, увидеть своего противника, окруженного роскошью, с толпой придворных, и был поражен, когда отворивший ему двери хилый сгорбленный человек в сильно поношенном сюртуке оказался самым “женевским папою”.

На другой день после смерти громадная толпа народа сопровождала его останки на кладбище. По желанию реформатора, выраженному в

завещании, он был похоронен “обыкновенным образом”, то есть без всяких церемоний, без памятника, даже без надписи на могиле. Скоро местонахождение его могилы было забыто, и только в последнее время небольшой черный камень отмечает место, где, по некоторым предположениям, покоится прах великого женевского реформатора.

Мы указывали в предисловии, какое решающее для реформации значение имел тот момент, когда Кальвин выступил со своим учением, какая ответственная задача представлялась человеку, желавшему, при данных обстоятельствах, взять на себя роль преемника Лютера. Справился ли реформатор с этой задачей? Успехи кальвинизма при его жизни и после служат самым красноречивым ответом.

Две стороны в учении Кальвина, отмеченные нами при изложении “Христианской институции”, казалось, далеко не предвещали ему того успеха, который оно имело в действительности, даже грозили опасностью свободе и цивилизации. Подчиняя веру букве закона, замыкая жизнь в раз и навсегда установленные рамки, христианство, по Кальвину, становилось “религией книги” и вроде бы обрекало общество почти на такой же застой, как ислам. На деле оказалось совсем другое. В учении Кальвина была одна сторона, которая оказалась гораздо важнее, чем его богословские взгляды. “Это именно его политическое учение. Мысль о том, что всякая община имеет право самостоятельно заведовать своими церковными делами, перенесенная на государство, привела в своем дальнейшем развитии к идеям, проводившимся уже во второй половине XVI века последователями Кальвина – Ланге, Марниксом, Букананом и другими. Лютер, выступивший первоначально с требованием свободы совести, в конце концов отрекся от своего знамени и замкнул религию в сферу канцелярского управления. По странному на первый взгляд противоречию, Кальвин, этот мрачный фанатик, не признававший с самого начала прав мысли, уничтоживший в Женеве всякую личную свободу, положил начало широкому развитию индивидуализма, содействовал во многих странах приобретению политической независимости. Конечно, либеральные учреждения современных протестантских стран имеют более глубокие корни, чем реформация, но несомненно и то, что кальвинизм, вышедший из Женевы, оставил на них свой след и, во всяком случае, нисколько не затормозил, как лютеранство в Германии, дальнейшее политическое и умственное развитие. Во всех странах, куда проникала реформация Кальвина, она быстро соединялась с господствующими политическими течениями. Во Франции, правда, под прикрытием кальвинизма вскоре обнаружилась феодальная реакция против усиливающейся королевской власти, и уже к концу жизни

реформатора (1562 год) вспыхнула первая религиозная война. Но зато кальвинизм, так быстро распространявшийся в эпоху преследований, скоро потерял поддержку народа и, несмотря на приобретенную наконец гугенотами свободу исповедания, перестал делать успехи. Однако в других странах, где религиозное движение охватило весь народ, реформация, соединившись с движением национальным, как в Голландии и Шотландии, окончательно восторжествовала над католицизмом. Освобождение Нидерландов из-под власти кровавого испанского деспота Филиппа II, основание национальной пресвитерианской церкви в Шотландии, английская революция XVII века – все эти движения совершались под знаменем кальвинизма. Наконец при Иакове I гонимые английские пуритане, приставшие к бесплодным берегам Новой Англии, положили основание Северо-Американским Соединенным Штатам. Другая сторона в учении Кальвина представлялась еще более опасной. Это догмат о предопределении. В самом деле, последователь Кальвина должен был бы рассуждать: или я избран, и тогда я спасен, что бы ни делал; или я принадлежу к числу заранее отверженных, и тогда никакие добрые дела, никакая святость жизни не спасут меня. Это было бы вполне логично. Но и в этом отношении мы замечаем совершенно противоположные результаты. Ни в жизни, ни в морали Кальвина и его последователей мы не встречаем никаких следов того практического фатализма, который кажется неизбежным следствием его теоретического учения. Догмат о предопределении, который реформатор отстаивал с особенной энергией от всех нападений, не только не подрывал проповедуемой им вместе с тем строгой нравственной Дисциплины, – он служил источником аскетизма и энергии, содействовал укреплению душ, закаляя их против всяких испытаний, наполнял их героическим энтузиазмом. Никто из верующих не сомневался в своем спасении и только старался оказаться достойным его. По словам Мишле, этот фатализм, внесенный в теологию, имел такое же действие, как первоначальное магометанство, последователи которого смело шли навстречу смерти, заранее предопределенной и потому неизбежной. “Предопределение Кальвина, – говорит знаменитый французский историк, – сделалось машиной для фабрикации мучеников... Если где-нибудь в Европе требовалась кровь и мучения, если нужен был человек для сожжения или колесования, этот человек стоял уже наготове в Женеве – он поднимался и шел на смерть, прославляя Бога и распевая псалмы...”

Источники

1. *Calvin Joh.* Institutionen der christlichen Religion, Verdeutscht durch Fr. Ad. Krummacher. – Elberf, 1834.
2. *Beze Theodore.* Histoire de la vie et mort de feu M. Jean Calvin, fidele serviteur de J.-C. – Geneve, 1637.
3. *Galiffe G A.* Materiaux pour l'histoire de Geneve. – Geneve, 1830.
4. *Fazy Henri.* Procedures et documents du XVI siecle. – Geneve, 1886.
5. *Merle d'Aubigne.* Histoire de la reformation en Europe au temps de Calvin, 8 t. – Paris, 1863 – 1878.
6. *Kampschulte.* Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf. Erster Band – Leipzig, 1869.
7. *Audin.* Histoire de la vie, des ouvrages et des doctrines de Calvin, 2 t. – Paris, 1841.
8. *Henry Paul.* Das Leben Johann Calvins, des grossen Reformators, 3 Bde. – Hamburg, 1844.
9. *Bungener.* Calvin, sein Leben, sein Wirken und Schriften. Deutsche Ausgabe. – Leipzig, 1863.

notes

Примечания

1

“Год листовок” (фр.)

“Наставление в христианской вере” (лат.)

Страдания Боннивары, прикованного к столбу с двумя своими братьями, послужили сюжетом для известной поэмы Байрона “Шильонский узник”

“Охранники города” (фр.)

Женщина эта за вольнодумство должна была явиться перед судом консистории, в протоколах которой записан этот случай

Идущие на смерть приветствуют тебя! (*лат.*)